

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Участвуя в лотереях «Спортлото» и «Спортпрогноз», Вы вносите свой вклад в развитие физкультуры и спорта. Сотни спортивных сооружений в больших и малых городах страны построены с участием доходов от этих спортивных лотерей.

Тиражи обеих лотерей проводятся еженедельно.

Выигрыши в «Спортлото» — от трех до 10.000 рублей; в «Спортпрогнозе» — также до 10.000 рублей.

Каждый билет «Спортлото» участвует в тираже двумя игровыми вариантами. Он выигрывает, если с результатами тиража совпадет не менее трех зачеркнутых номеров в одном из вариантов.

В «Спортпрогнозе» выигрывает тот билет, в котором угадан исход 13, 12 или 11 встреч в любом из вариантов этого билета.

Удач в игре, успехов в физкультуре и спорте желает Вам **Главное управление спортивных лотерей при Госкомспорте СССР.**

№ 38

1988

Геннадий ЗАФЕСОВ

**ПАУТИНА
ЛОЖИ «П-2»**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 38

Геннадий ЗАФЕСОВ

ПАУТИНА ЛОЖИ «П-2»

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Геннадий ЗАФЕСОВ

Зафесов Геннадий Рамазанович родился в 1936 году в ауле Кошехабль Кошехабльского района Адыгейской автономной области.

Окончил юридический факультет МГУ. Работал по специальности. Был на комсомольской работе. Учился в аспирантуре Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Кандидат экономических наук.

В 1965 году пришел в «Правду». С 1968 по 1976 год был собственным корреспондентом в Республике Куба и странах Центральной Америки. С 1978 по 1986 год — собственный корреспондент «Правды» в Италии. С 1976 по 1978 год и в настоящее время — заместитель редактора «Правды» по отделу международной информации.

Автор книг: «Латинская Америка: объединение или разобщение», «Наши на Кубе», «Остров зари багряной», «Пятая граница», «На окраинах бывших империй», «Тень над Апенниннами», «Тайные рычаги власти».

Некоторые из них переведены на иностранные языки и языки народов СССР.

СНАЧАЛА НЕСКОЛЬКО СЛОВ

Минуло более десяти лет с того разговора с одним из коллег, но до сих пор я испытываю чувство смущения, вспоминая, с каким скепсисом и легкомыслием отнесся к рассказу о всепроникающей и могущественной силе масонского «братства». Мне он показался преувеличенным и уж во всяком случае, не имеющим никакого отношения к нашим дням. Боюсь, что надо мной довлекло лапидарно-хрестоматийное представление о масонстве, в котором Пьер Безухов пытался найти пути к нравственному усовершенствованию.

Конечно, я знал, что масонство как религиозно-этическое учение возникло в начале XVIII века в Англии, а потом быстро распространилось во Франции, Германии, Испании, России, Дании, Швеции, США. Знаком я был и с такими предписаниями масонам, как-то: не быть «ни глупыми атеистами, ни безрелигиозными вольнодумцами», известно было и запрещение масонам участвовать в политических движениях. Но все это были, так сказать, сведения из «информационного банка», в какой-то мере, для меня во всяком случае, абстрактные.

Потом журналистская судьба непредсказуемая, впрочем, как и все другие, отправила меня на работу в Рим. В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов над Италией бушевал смерч терроризма. Гремели выстрелы и взрывы, совершались убийства и похищения людей. Откровенно профашистские и левозэкстремистские группы и группировки словно бы открыли между собой какую-то дикую гонку за право выдвигаться на политические подмостки Италии или хотя бы погромче заявить о себе. Многие итальянцы заплатили за эти домогательства кровью и жизнями. Позже в лексиконе историков, социологов, журналистов, пишущих об этом периоде, укоренится словосочетание, убийственное, как выстрел, и безапелляционное, как приговор, не подлежащий обжалованию, — «свинцовые годы».

Так совпало, что в день моего прилета в Рим была поставлена трагическая точка в самом шумевшем политическом преступлении на Апеннингах: после похищения и 55-дневного заточения террористами был убит Альдо Моро, видный государственный деятель, председатель христианско-демократической партии — крупнейшей буржуазной пар-

тии Италии. Тогда об этом писали во всем мире. Спустя месяцы и годы, да и теперь к этому событию нередко возвращаются в Италии. Естественно, что корреспондент, работающий в стране, тоже уделял много внимания этому «преступлению века», как окрестили его итальянцы. Наверное, юридическое образование и желание попробовать себя в необычном жанре подтолкнули меня заняться собственным «следствием» по делу А. Моро.

Написанное по горячим следам вылилось в статьи и даже книжку. Но чем больше я занимался «следствием», тем больше возникало недоуменных вопросов и совершенно необъяснимых ситуаций. Касалось это, прежде всего невероятной инертности, неповоротливости и фантастических ошибок, которые допускало официальное следствие. Сначала зародилось, а потом и начало крепнуть убеждение, что промахов слишком много, чтобы считать их случайными, а безответственность переходит черту, когда ее можно было бы считать халатностью, а не умыслом.

Пытаясь найти связь между причиной и следствием, я все чаще наткнулся на слово «масоны», затем оно конкретизировалось в масонскую ложу «П-2». Дальше, как в калейдоскопе, разрозненные стеклышки стали складываться в причудливые, но вполне определенные узоры, и в один прекрасный день пришлось признаться себе, что в том, давнем разговоре о масонах я проявил профессиональную близорукость. Не оставалось ничего другого, как заняться тайнами масонской ложи «П-2». Не скажу, что удалось найти, так сказать, «прямые доказательства» соучастия ложи «П-2» в итальянском «преступлении века», однако выявилось такое влияние «П-2» на всю политическую обстановку тех лет, такие связи масонов с американским ЦРУ и собственными секретными службами, такие контакты с профашистскими элементами и мафией, такая причастность масонов к крупнейшим скандалам последних лет, что ложу «П-2» можно с полным основанием считать одним из главных обвиняемых в нестабильности, которая столь характерна для послевоенной Италии, а более конкретно в таких преступлениях, как крах «Банко Амброзиано» и последующее убийство его главы Роберто Кальви, самоубийство (или убийство?) другого банкира — Микеле Синдоны, взрыв на вокзале Болоньи, когда погибло 85 человек и было ранено более двухсот.

Здесь не пойдет речь о корнях масонства и его оттенках, о таинствах обряда посвящения и т. п. Это будет, если угодно, карандашный набросок лица тайной масонской ложи «П-2», признанной ныне итальянским парламентом «неконституционной» и распущенной. Красочный же портрет, с проработкой всех деталей, страстей и пороков, выступающих на этом лице, еще предстоит нарисовать, но прежде придется преодолеть весьма трудное препятствие — приоткрыть завесу таинственности, которой на протяжении десятилетий с таким мастерством драпируют от посторонних глаз свои деяния масоны во всех частях света, в том числе и в Италии.

ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Скандал, как и полагается всякому крупному скандалу, возник неожиданно. Сказать, правда, что гром прозвучал среди ясного неба, было бы натяжкой, имея в виду, что внутривнутриполитический небосклон Италии постоянно чреват каким-нибудь шокирующим разоблачением, политическим кризисом или неожиданно возникшими обвинениями. К скандалам на Апеннингах попривыкли — столько их было, больших и малых, за послевоенный период, — и перестали очень уж остро реагировать. Должно было случиться нечто совершенно из ряда вон выходящее, чтобы взволновать, по разным причинам, конечно, всю страну. Именно это и произошло в один из мартовских деньков 1981 года, когда итальянское небо вовсю набирало свою знаменитую синеву. Следователи, ехавшие на ответственный, но в общем-то рутинный обыск, любовались тосканскими холмами, простиравшимися до горизонта, и абсолютно не подозревали, что вот-вот им предстоит найти документы, которые повергнут страну в лихорадку, чьи сильные рецидивы и сегодня, спустя более семи лет, периодически дают о себе знать.

Да, пожалуй, столь крупного и, если можно так сказать, многопланового скандала Италия еще не знала. Речь идет об обнаружении тайной масонской ложи «П-2». Собственно, если быть точным, формально о существовании «П-2» было достаточно известно, в той или иной связи она упоминалась неоднократно в печати. Высказывались даже подозрения, что это масонское формирование не совсем то, за что себя выдает. Но то, что выяснилось и нашло документальное подтверждение во время обыска одной из тосканских вилл и одного коммерческого офиса, превзошло всякие ожидания. «П-2» оказалась гнездом широко разветвленного заговора, ставившего своей целью повернуть политическую ось страны вправо, а сама ложа напоминала паутину, протянувшую свои нити над всей Италией. Они опутали государственный аппарат, политические партии, армию, секретные службы, средства массовой информации, банки. Вышли наружу связи «П-2» и с обыкновенной мафией. Можно если не оправдать, то понять премьер-министра, который неопровержимые документы о «П-2» предпочел упрятать в свой личный сейф, словно надеясь, что бронированные стенки погасят полыхающие уголья. Но жар был уже настолько велик, что занялся, подобно гигантскому пожару, скандал, который далее держать втуне было просто невозможно.

Чтобы понять, почему вспыхнуло пламя скандала, придется сделать отнюдь не лирическое отступление...

В деловых кругах банкир Микеле Синдона долгое время считался мелкой сошкой, во всяком случае, никто не говорил о нем как о финансовом гении. Поговаривали, точнее, перешептывались, что он связан с мафией, но на Сицилии, откуда он родом, это никогда не поставят

в упрек человеку публично: мафия своих людей в обиду не дает, а в Риме или Милане 60-х годов Синдона считался фигурой слишком незначительной, чтобы вообще обращать на него внимание. В Ватикане, однако, думали по-иному и давненько приглядывались к сицилийскому банкиру. Видимо, там сумели рассмотреть какие-то его специфические, незаметные для обычного глаза достоинства и особенности, и когда в 1969 году святым отцам понадобилось без особого шума «провернуть» одну операцию по ликвидации недвижимости, Синдону пригласили в Ватикан. Как проходила встреча, наверняка теперь останется тайной, но факт, что Синдона оказал необходимую Ватикану услугу, а главное — заслужил его доверие. Быть может, он сделал решающий в достижении своей цели шаг — ворваться в финансовый мир столицы.

Вскоре звезда Синдоны засияла вовсю. Его приглашают на правительственные приемы, среди его друзей появляются министры и видные деятели политических партий, перед ним открываются двери, о которых еще совсем недавно он не мог мечтать. Словом, начинается феерическая карьера, когда многие не знавшие еще вчера имени Синдоны, начинают искать его расположения. Он же, прекрасно разбираясь в политическом механизме Италии, не жалеет денег для своих новых друзей из мира политики. Те, в свою очередь, помогают ему делать новые деньги. Это продолжается несколько лет. У Синдоны появляется в Италии свой «Банка привата Финансиариа», который, кстати, оказывается в его руках не без помощи Ватикана. Вскоре он открывает в Соединенных Штатах «Фрэнклин нейшнл бэнк». Синдона зарвался, как это нередко случается даже с крупными игроками, и подвела его патологическая жадность.

В сентябре 1974 года «Банка привата» объявляет себя банкротом, а месяцем позже лопается и «Фрэнклин бэнк». Синдона отправляется в бег и обосновывается в Соединенных Штатах. «Банко д'Италия», главное кредитное учреждение на Апеннинах, еще недавно благоволивший к Синдоне из-за его политических связей и прежде всего с демокристической партией (ХДП), которую он щедро подкармливал, меняет милость на гнев и начинает скрупулезно разбирать развалины финансового княжества Синдоны. «Банко д'Италия» приходит к выводу о необходимости «принудительной ликвидации», что по итальянским законам применяется в случаях, когда предполагается «недобросовестная деятельность». Назначается и комиссар-ликвидатор Джорджо Амброзоли.

Казалось бы, все ясно: банкрот за решеткой, денежки плакали, и остается только решить некоторые технические вопросы. Не тут-то было. Синдона не зря платил деньги политикам и хочет теперь, чтобы они их отработали. Надо сказать, стараются они на совесть и изо всех сил жмут на «Банко д'Италия», чтобы он отменил формулировку о принудительной ликвидации. К чести банка, он оказывает упорное сопро-

тивление. Прямо из американской тюрьмы Синдона прибегает к шантажу. «Вы что, действительно думаете спокойненько выйти из этого дела?» — спрашивает он в записке управляющего «Банко д'Италия» Гуидо Карли. Пока неясно, это или что-то более грозное заставило престарелого Карли уйти в отставку. Не оставляет Синдона и нового управляющего Паоло Баффи: «Я вас предупредил. Смотрите, чтобы вам не пришлось пожалеть». Одного из своих крупных партнеров, «Банко ди Рома», Синдоне удается запугать, и тот покупает общество по продаже недвижимости, принадлежащее Синдоне, чем оказывает ему немалую помощь. К шантажу Синдона прибегает и в отношении своих политических покровителей. Он отправляет письмо одному из лидеров ХДП, А. Фанфани, где говорит, что хочет «сделать достоянием общественности то, о чем он пока умалчивал». Речь идет о «каких-то» 2 миллиардах лир, которыми Синдона ссужал ХДП. Христианские демократы забеспокоились. А Фанфани отправляет специального гонца в США, на переговоры к Синдоне. Как проходил обмен «мнениями», неизвестно, но так же неизвестным осталось то, что Синдона грозил обнародовать. Синдона шантажировал и своего ближайшего партнера по финансовым аферам банкира Роберто Кальви, который переводит Синдоне 500 тысяч долларов под предлогом продажи его villas в Орозио. Не все идут на подобные «компромиссы» с Синдоной. Оказывается неподкупным инспектор-ликвидатор банка Синдоны в Италии Джорджо Амброзоли. Назначенный на эту должность 29 сентября 1974 года, он скоро докапывается до многих махинаций Синдоны и, что самое главное, документально их доказывает.

Синдона мгновенно понимает, какую опасность представляет для него Амброзоли. Последний также отдает себе отчет в риске, которому себя подвергает, разоблачая манипуляции Синдоны. Амброзоли пишет своей жене: «Без сомнения, я заплачу очень высокую цену за выполнение порученного мне дела. Я знал это еще до того, как согласился на это». Амброзоли удается конфисковать четыре тысячи акций на предъявителя компании «Фаско А. Г.» — финансового фундамента империи Синдоны. Отсюда уже открывается выход на филиалы, подставные компании и другие ответвления — это просто дело техники и добросовестности. Амброзоли не занимать ни того, ни другого. Друзья Синдоны делают все возможное, чтобы убрать Амброзоли с поста ликвидатора. Им едва это не удается. К лету 1977 года обстановка накаляется настолько, что Амброзоли значительно увеличивает сумму, на которую застрахована его жизнь в пользу жены. Оно и понятно, Синдона и его сообщники от уговоров переходят к прямым угрозам. В судебном деле, например, хранится записка одного из адвокатов Синдоны, напоминающая своей категоричностью военный приказ: «Поставить непреодолимую преграду на пути Амброзоли». Ликвидатор получает регулярно телефонные звонки и анонимные письма с угрозами. Работает же он в обстановке, когда

каждый его шаг, каждая докладная мгновенно становятся известными Синдоне.

Клан прогоревшего авантюриста окончательно взбеленился, когда Амброзоли собрал необходимые документы, доказывающие злостный характер банкротства и американского «Фрэнклин нейшнл бэнк», которые Амброзоли, отправившись в Нью-Йорк в декабре 1978 года, вручает американской прокуратуре. Вместе с новыми разоблачениями все реальнее вырисовывается для Синдоны перспектива передачи его в руки итальянского правосудия, чего тот панически боится, и, как позже станет ясно, отнюдь не без оснований. Синдона буквально в бешенстве. Достоинством следствия стал его яростный выкрик: «Амброзоли исчезнет без следа!» Нарастает шантаж и от подручных Синдоны. Неизвестный говорит Амброзоли по телефону: «Я хотел вас спасти, но больше не буду этим заниматься. Вы заслуживаете того, чтобы быть прибитым, как бродячий пес».

Наступает июль 1979 года. В миланском суде идет процесс по делу Синдоны, где важнейшим свидетелем выступает Амброзоли. Три дня он рассказывает судьям о головокружительных аферах Синдоны. На четвертый день намечены последние показания, но судьям уже не суждено услышать голос Амброзоли. Несколько его слов услышит лишь начальник полицейского патруля, прибывшего к дому на улице Мороццо дела Рокка...

Амброзоли подходил к своему дому, надеясь за его стенами хотя бы немного отдохнуть от нервного напряжения последних лет и особенно последних дней. Да, ему пришлось туго, но свой долг честного человека он выполнил. Дальше — все в руках правосудия. Его окликнули по имени, он обернулся и увидел троих мужчин. Прежде чем Амброзоли рассмотрел в руках у одного из них револьвер, он понял, что это конец. Четыре выстрела прогремели один за другим. Амброзоли был еще жив, когда через несколько минут появился полицейский патруль. Ему он и успел сказать, что нападавших было трое. «Скорая помощь» уже ничего сделать не смогла. Инспектор-ликвидатор Амброзоли скончался по пути в больницу. Так умер честный служащий «Банк д'Италия».

Показания свидетелей его убийства были более чем скудными. Единственное, что поначалу удалось установить достоверно, — убийцы скрылись с места преступления на красном «фиате-127». Понадобилось два года, чтобы выяснить, что, как говорят юристы, исполнителем убийства был некий Вильям Арико. Идет длительная бюрократическая канитель между итальянскими и американскими властями о выдаче Арико в Италию. Благо он находится за решеткой американской тюрьмы «Метрополитэн корэкшн сенчэр» за другие свои провинности. В феврале 1984 года, ровно за день до того, как суд Бруклина должен был окончательно решить вопрос о передаче Арико итальянским властям, его находят с разможенным черепом. К тому времени суд уже располагает показаниями Арико, что за убийство Амброзоли он получил от Синдоны в два приема 25 и 90 тысяч долларов. Официальная версия

гибели Арико, на мой взгляд, не выдерживает серьезной критики. Арико якобы перепилил решетку в камере и пытался на связанных простынях спуститься с девятого этажа, но... сорвался и разбился. Кстати, внутренняя площадка, где было обнаружено тело Арико, отнюдь не давала возможности выйти беспрепятственно на свободу. Ничего внятного не опубликовала печать и о его сообщнике. Не дали даже его имени. Не был ли он на самом деле не сообщником, а убийцей Арико? Но мы чуточку забежали вперед.

Убийство Амброзоли совершенно определенно развязало руки Синдоне. Он решил сделать отчаянную, быть может, самую крупную ставку в своей жизни. 3 августа 1979 года Синдона исчезает из Нью-Йорка. Слово «исчезает» здесь как нельзя более кстати. Предшествуют этому следующие события. За день до этого он обсуждал дела со своей секретаршей Ксенией Ваго и в том числе говорил о важном свидании в отеле «Пьер», где он снимал апартаменты. На деловую встречу Синдона не явился, зато Ксении Ваго утром 3 августа последовал телефонный звонок. Незнакомый мужской голос сказал по-английски: «Синдона — наш пленник. Другие сообщения будете получать по мере надобности». Допрошенная в тот же день агентами ФБР Ксения Ваго смогла лишь добавить, что звонивший по телефону мужчина говорил с явным итальянским акцентом. ФБР допросило еще несколько человек. Адвокат Гуцци, ведущий дела Синдоны, изрек: «Кто убил Амброзоли, тот похитил и Синдону». Тут явная попытка пустить следствие по ложному направлению. Для большей убедительности Гуцци даже сделал выпад в адрес левых сил Италии. По его словам, Синдона подвергался «травле» в итальянской печати «из-за растущего влияния социалистических и коммунистических групп». Полной противоположностью прозвучали сведения, полученные от близкого сотрудника Синдоны Даниэля Порко, который показал, что по меньшей мере дважды видел Синдону в кругу людей, тесно связанных с мафией. Особенно интересным было сообщение о празднике в мотеле «Конка д'оро», принадлежащем мафиози Джозефу Макалузо. Около двухсот гостей тут же организовали импровизированный денежный фонд, который должен был пойти на судебные расходы Синдоны. Пожертвования были довольно крупные. Так и вспоминается сцена из фильма «Крестный отец»: многолюдно, но это свой круг, проникнуть в который постороннему не дадут выставленные снаружи охранники. Внутри же все благопристойно, любимая итальянская еда и музыка, девочки в розовых накрахмаленных платыхах и мальчики в отутюженных брючках с геометрически ровными проборчиками, молодые женщины в открытых платьях и пожилые, все как одна, в глухих черных нарядах, бегающие официанты и вспотевшие музыканты. Только в дальних зашторенных комнатах продвигается «работа» гангстерского синдиката, решаются вопросы, кому жить и кому умереть, кого загубить окончательно, а кому помочь. К Синдоне пока явно благоволят, наверное, не без расчета. Крупнейшая мафиозная «семья» Гамбино хочет получить от

банкира деньги, данные ему для финансовых махинаций. Интерес к Синдоне прост и примитивен, как инстинкт: чтобы вернуть свои деньги, банкиру нужно помочь. Это обойдется дешевле.

ФБР быстро выяснило, что Макалузо давно находится в сфере его внимания. Через таксомоторный парк, услугами которого постоянно пользовался Синдона, установили, что он очень часто ездил из своего отеля «Пьер» в мотель «Конка д'оро». Оттуда же он уезжал куда-то на одном и том же коричневом «кадиллаке», в то время как нанятая машина оставалась ждать его у мотеля. В последний раз Синдону видели в «Конка д'оро» 18 июля, т. е. за несколько дней до его исчезновения.

После анонимного звонка и письма в контору Синдоны приходит записка, адресованная его жене и написанная его рукой. Почтовый штампель: «Бруклин». Она целиком семейного содержания. Любопытно разве лишь то, что в ней Синдона продолжает изображать себя «пленником». Затем в его офис поступают несколько писем в конвертах итальянского производства, но с почтовым штампелем «Нью-Джерси». ФБР, располагая подобными данными, сразу отбросило версию похищения, и, похоже, его профессиональное чутье сработало здесь безотказно.

Теперь уже установлено, что более двух недель Синдона в обществе Джо Макалузо и другого крупного мафиози, Энтони Карузо, провел на Сицилии. Фальшивыми паспортами их снабдил Джон Гамбино. Судя по всему, поездка Синдоны на Сицилию не была импровизацией, о чем свидетельствует следующий факт. 3 апреля 1979 года, т. е. за несколько месяцев до «исчезновения» Синдоны из Нью-Йорка, некий Джозеф Буонамико запрашивает у властей паспорт для поездки за границу. Через пару дней паспорт забрал человек, чей облик не имел ничего общего с тем, кто его запрашивал. Как это случилось и кто были эти люди, не установлено, но абсолютно точно, что паспортом серии «К» № 1415379 на имя Буонамико пользовался во время своего вояжа Синдона, а чтобы более походить на фотографию в паспорте, прибегал к помощи парика и наклеенной бороды.

Существует версия, по которой Синдона ездил на Сицилию с целью сепаратистского переворота и отделения острова от Италии. Что сепаратистские настроения на Сицилии сильны — это общеизвестно, но плохо верится, что в данном случае Синдона хотел затеять путч. По-первых, он, слишком давно не был в стране. Во-вторых, ничего не известно о том, существовала ли группа заговорщиков-организаторов, без которой нельзя осуществить даже плохонького переворота. В-третьих, собственные дела Синдоны были в столь плачевном состоянии, что логичнее было бы думать о том, как спасти собственную шкуру. Скорее всего так и было. Судя по всему, в спасении Синдоны была заинтересована не только мафия, но и масоны. На Сицилии его почти постоянно сопровождал масон Джозеф Крими. Он же не раз ездил в Ареццо — в штаб-квартиру масонской ложи «П-2» на встречи с его главой Личо Джелли. Зафиксированы многочисленные звонки Синдоны Джелли.

Они вместе интригуют и шантажируют, но успеха не добиваются. По-видимому, одной из причин того, что старания главы масонской ложи «П-2» Личо Джелли не увенчались успехом, было то, что у него самого стала уходить из-под ног почва в связи с тем, что «П-2» начала привлекать более пристальное внимание со стороны итальянских властей. У Джелли начала болеть голова о собственных проблемах. Синдона почувствовал холодность Джелли и затаил ненависть и неугасимое желание отомстить.

Синдоне не остается ничего другого, как вернуться в Нью-Йорк, предварительно дав прострелить себе под наркозом ногу, чтобы придать большее правдоподобие версии похищения. Что было истинной целью поездки Синдоны в Италию, какими комбинациями и разговорами были наполнены эти две недели, надолго, если не навсегда останется секретом. Американский публицист, готовивший к изданию мемуары Синдоны и постоянно с ним общавшийся, в интервью итальянскому еженедельнику «Панорама» процитировал слова, сказанные ему банкиром: «Поездка на Сицилию — это самая большая тайна моей жизни».

Попав за решетку американской тюрьмы, Синдона и не думает отступать. Он так же активен, плетет свои интриги, как всегда, не брезгуя шантажом. Цель его на этом этапе, пожалуй, можно определить так: категорическое нежелание предстать перед итальянским судом по обвинению в убийстве Амброзоли. Кодексы всех стран проводят четкую грань между исполнителем преступления и его организатором, справедливо усматривая в последнем большую общественную опасность и, естественно, определяя ему более жесткую меру наказания. Бандит Арико по прозвищу «Биль-истребитель», вроде бы так удачно свалившийся с девятого этажа тюрьмы, не освободил Синдону от обвинения в убийстве Амброзоли.

Не будем останавливаться на бесконечной переписке между итальянским и американским судебными ведомствами. В конечном счете Синдона все-таки предстал перед итальянскими судьями и был 20 марта 1986 года приговорен к пожизненной каторге (в итальянском правосудии не существует смертной казни). Практически же для Синдоны это был смертный приговор. То ли он слишком сильно нажал на педали шантажа, то ли отчаялся, видя, как от него отворачиваются бывшие друзья и покровители, то ли это был приказ мафии, но однажды утром, выпив чашечку кофе в присутствии двух карабинеров, Синдона упал с криком: «Они меня убили!» После двух дней коматозного состояния Синдона скончался. Экспертиза дала безоговорочное заключение: отравление цианистым калием. Однако осталась масса вопросов без ответа: как попал яд в сверхстрогую тюрьму Вогера? Кто положил яд в кофе? Может быть, это сделал сам Синдона? Тогда кто его к этому вынудил?

В связи с этим существует один прелюбопытнейший документ, нотариально заверенный 2 сентября 1984 года. В нем Франческо Пацценца, один из наших будущих «героев», пишет: «Если Синдона окажется в лю-

бой итальянской тюрьме, пусть даже сверхохраняемой, он будет убит. Следствие не даст никаких результатов. Максимум — речь пойдет о самоубийстве». Не правда ли, поразительное предвидение за два года до смерти Синдоны? Не будем придавать мистическую окраску «ясновидению» Пацэнцы. Это просто доскональное знание нравов и образа действий определенных кругов. Не случайно в том же документе Пацэнца признает, что по поручению генерала Сантовито, начальника военной разведки и контрразведки Италии, Пацэнца провел «деликатнейшую» операцию, чтобы убедить Синдону помалкивать о своих связях с крупнейшими политическими и государственными деятелями Италии.

БРАТЬЯ-МАСОНЫ

Жизнь не особенно придерживается того или иного театрального жанра. На ее подмостках, удивительно переплетаясь, соседствуют фарс с трагедией и водевиль с мелодрамой. Того менее она заботится о какой-либо канве, в рамки которой укладывались бы события. Напротив, они переплетаются с причудливостью, оказывающейся изощренной любовью воображения.

Еще когда Синдона был жив и сидел в американской тюрьме, в Италии продолжалось расследование убийства Амброзоли, которое следователи совершенно логично связывали с крахом банка Синдоны и его манипуляциями. Именно в связи с этим в один прекрасный мартовский день 1981 года два миланских следователя Гуидо Виола и Джулиано Туроне получили срочное и секретное предписание. Суть его состояла в том, чтобы произвести обыск на вилле Личо Джелли, расположенной в окрестностях города Ареццо. В Италии широко распространено мнение, что на Джелли «вывел» следствие Синдона, решивший таким образом отомстить и лично ему и ложе «П-2» за то, что они не смогли или не захотели вызволить его из тюрьмы и выпутаться из клубка неприятностей. Без сомнения, те, кто отдал этот приказ, не предвидели тогда всех последствий, к которым он приведет. А результаты оказались поистине ошеломляющими.

На вилле Джелли были обнаружены тридцать записных книжек-досье, титульные страницы которых озаглавлены именами крупных политических деятелей, финансовых тузов, издателей, генералов, судейских чиновников, депутатов и т. п. Словом, следователи нашли бесспорные доказательства существования тайной масонской ложи «Пропанганда-2», или коротко «П-2». Итальянская конституция запрещает создание тайных обществ, но не масонства. В стране существует масонская организация «Великий Восток», объединяющая крупнейшие ложи. Она имеет статус «добровольной частной ассоциации», учредительный акт которой сдан на хранение в гражданский суд. Имена ее руководителей и членов известны, а бюджет организации облагается налогами.

У «П-2» оказалось два лица: одно — такое же, как у прочих масонских лож, и другое — скрытое от общественности. Далее, говоря о «П-2», мы будем иметь в виду именно это второе, тайное лицо, а также цели и задачи, которые преследовала тайная ложа «П-2».

К моменту обыска на вилле ее владелец и глава «П-2» Личо Джелли предпочел скрыться в неизвестном направлении. Собственно, до этого момента его имя не было знакомо широкой итальянской общественности. Малообразованный человек, промышленник средней руки, Джелли с юности отличался симпатиями к фашистам. Во время гражданской войны в Испании он воевал на стороне фалангистов Франко. Во время марионеточной республики Салó был офицером связи Муссолини с нацистами. Одновременно он был провокатором, и на его совети жизнь не одного участника движения Сопротивления. В неразберихе первых послевоенных лет Джелли умудряется ускользнуть от справедливого возмездия. С началом «холодной войны» он понимает, что его патологический антикоммунизм начинает пользоваться спросом. Впрочем, по Джелли, к коммунизму относится все, что не совпадает с его черносотенной психологией. В качестве конька, который превратится в белого коня Джелли-победителя, он избирает масонство. Он открыто заявляет: «Масонство должно стать влиятельным центром незримой власти, способным объединить людей, решающих судьбы нации». Применительно к Италии, так сказать, тактической целью Джелли ставит «белый переворот», т. е. занятие ключевых постов в государстве членами масонской ложи «П-2» с тем, чтобы резко повернуть политическую ось страны вправо. С другой стороны, в одном из циркуляров, разосланных членам ложи, он сетует на «отсутствие инициативы со стороны военных для наведения порядка в стране». Ему уже видится в Италии режим «черных полковников», подобный тому, что существовал в Греции.

Ставя подобные цели, Джелли старается объединить в «П-2» наиболее влиятельных людей. В список ложи, который попадает в руки следователей, входят министр труда Франко Фоски, министр внешней торговли Энрико Манка, политический секретарь итальянской социал-демократической партии Пьетро Лонго, заместитель министра обороны республиканец Паскуале Бандьера, начальник генштаба вооруженных сил Джованни Торризи, руководители секретных служб СИСМИ и СИСДЕ генералы Джузеппе Сантовито и Джулио Грассини, генеральный секретарь министерства иностранных дел Франческо Мальфатти ди Монтеретто, начальник канцелярии премьер-министра христианский демократ М. Семприни. Уже это краткое перечисление имен, зарегистрированных в тайной масонской ложе, может дать представление о том, какой переполох начался в правящих кругах страны. И было от чего прийти в смятение: столь крупные фигуры под командой фашиста и коллаборациониста Личо Джелли, да еще в организации, ставящей себе целью государственный переворот.

Власти отдают приказ об аресте Личо Джелли, но того, как говорится, и след простыл. Имея широкие связи в секретных службах, он своевременно предупрежден. В руках следствия оказалась лишь часть архива и список тайной ложи, насчитывающий 962 человека. Следовательно явно растерялись. Можно сказать, что они подцепили на крючок слишком крупную рыбу, вытащить которую было им не по силам. Какое там следователи! В растерянности был премьер-министр страны А. Форлани, министры и лидеры политических партий. Назревал невиданный скандал. В записке на имя президента Итальянской республики следователи Виола и Туроне напишут о результатах обыска, что «найденная документация свидетельствует о существовании тайной ассоциации, опасной для государственных институтов». Когда список масонской ложи «П-2» попадает в руки властей, те, по образному выражению одного из журналистов, «перекидывают его с ладони на ладонь, подобно горячей картофелине». «Остудить» его, однако, не удастся, хотя премьер-министр А. Форлани и запирает его в личный сейф на целых два месяца. Но слишком взрывчат материал, обнаруженный на вилле Джелли, и слишком возбуждено общественное мнение, против которого в данном случае бронированные стенки премьерского сейфа оказались недостаточной защитой. Депутаты-коммунисты обратились с запросом: «Будет ли возможным замолчать и этот скандал, где переплетаются интересы мафии, международного авантюризма, контроля над органами печати и подрывная деятельность?»

А. Форлани держал свой сейф закрытым, сколько мог, но премьер тоже не всемогущ, он уже не управлял обстоятельствами. Вечером 20 мая 1981 года список ложи «П-2» попадает в редакции газет. Скандал настолько грандиозен, что завершается правительственным кризисом. Христианско-демократическая партия (ХДП) впервые за послевоенные годы утрачивает пост премьер-министра. Потеря чувствительная, особенно, если учесть, что тремя годами раньше ХДП потеряла пост президента страны, что было вызвано вынужденной и досрочной отставкой ее представителя Дж. Леоне. Сам скандал, связанный с его именем и прозрачно намекавший на коррупцию, удалось погасить в самом зародыше. На сей раз каждое новое сообщение буквально подливало масла в огонь. Как «огромную политическую язву» охарактеризовала ложу «П-2» газета итальянских коммунистов «Унита». «Еще один отравленный плод нашей политической системы, которая на протяжении слишком многих лет привязана к одной партии — ХДП», — отмечала римская «Мессаджеро». По мнению газеты, факты, вскрывшиеся в связи с ложей «П-2», напоминают «театр ужасов»: «А впрочем, какой же иной могла бы быть реакция Италии, которая годами подавлена кровавыми вылазками, нераскрытыми преступлениями и заговорами, организаторы которых остаются безнаказанными?» — заключала «Мессаджеро».

Да и как иначе можно было определять сложившуюся ситуацию? Ведь в списках тайной ложи оказалось три министра, 23 депутата, 10

префектов, 10 генералов корпуса карабинеров, 6 адмиралов, 7 генералов финансовой гвардии, около сотни президентов государственных и частных компаний, 47 директоров банков, крупные судебские и прокурорские чиновники. К этому еще нужно добавить четыре издательства, в том числе крупнейший в Италии газетно-издательский трест «Риццолли», 22 газеты, около двух десятков руководителей итальянского радио и телевидения. Члены тайной ложи находились на высочайших постах в самых различных сферах государственно-политической и экономической жизни Италии. Действительно, на случай государственного переворота у авантюриста и проходимца Личо Джелли повсюду были свои люди. Масонство в данном случае служило лишь ширмой для скопища лиц с корыстными и нечестными помыслами. Список, насчитывающий 962 фамилии, был отнюдь не полным. По утверждению одного из масонов, Франческо Синискальки, число членов «П-2» составляло 1720 человек. Иными словами, почти половина ложи не попала в поле зрения ни следственных органов, ни общественного мнения.

Пора, видимо, сказать несколько слов о масонстве вообще. В современном виде определить его довольно трудно — столь оно трансформировалось и столь далеко ушло от задач и целей, которые ставили перед собой масонские организации. На этот счет существует довольно много разноречивых версий и мнений. Мы будем придерживаться наиболее известных фактов.

В день праздника святого Иоанна Крестителя, 24 июня 1717 года, в лондонской таверне «Гусь и вертел» собрались представители четырех крупнейших цехов английских каменщиков и порешили создать единую организацию, которая бы защищала их профессиональные интересы, оказывала взаимопомощь членам организации и передавала тайны ремесла только в своем узком кругу. Организацию назвали Большой объединенной ложей Лондона. С тех пор слово «ложка» прочно вошло в обиход масонства, хотя само оно постоянно трансформировалось. Со временем масонство перестало носить узкопрофессиональный характер, и в масонских ложах появились представители свободных профессий и даже аристократических кругов. Во Франции, например, масонами были знаменитые энциклопедисты и герцог Орлеанский. Зеленым лейтенантом вступил в масонскую ложу будущий император Наполеон. Масонство наших дней представляет собой клановый характер, и доступ в те или иные ложи нередко определяется размером банковского счета или политическим весом желающего стать масоном. Например, многие американские президенты были масонами. Среди них видим Джорджа Вашингтона и Франклина Рузвельта, Гарри Трумэна и Линдона Джонсона. Есть сведения, что занять Белый дом Джимми Картеру также помогли масоны.

Бесспорно, что среди масонов можно встретить людей, придерживающихся различных политических ориентаций и философских концепций, но независимо от этого использующих масонство в узкокорыстных

и карьеристских целях. Конечно, среди «братьев» есть люди, не ставящие себе подобных целей и лишь ищущие защиты и поддержки в условиях жестокости и бесчеловечности капиталистического бытия, но не они определяют лицо масонских лож, а тем более таких, как «П-2». Не случайно Личо Джелли не раз в разговорах упоминал о «сынках» и «пасынках» логи. Во всяком случае установлено, что в «П-2» некоторые рядовые члены даже не подозревали, какая элита итальянского общества, если можно здесь так выразиться, «делит» с ними честь принадлежать к «П-2». Именно банкиры и генералы, крупные чиновники и промышленники, политические деятели и руководители секретных служб определяют лицо «П-2», делали ее подрывной и опасной организацией для республиканских институтов Италии. При этом, несмотря на свою «высокопоставленность», они зачастую действовали как заурядные уголовники, чья опасность для общества была особенно велика именно в силу их высокого положения и соответствующих возможностей.

СХОЖИЕ СУДЬБЫ

Когда Микеле Синдона оказался за решеткой американской тюрьмы, кто-то должен был занять его место. Общество, где деньги являются идолом и двигателем жизни, а тем более такое отвлечение его, как ложа «П-2», не может обойтись без финансовых манипуляций. Обычно они проводятся на самой грани закона, но еще чаще переступают его. Весь вопрос заключается в том, будет ли это обнаружено и последует ли наказание. Когда деньги служат политике, секретным службам или организации типа «П-2», возможность кары невелика, ведь практически на всех ступенях общественной лестницы есть свои люди. Здесь, пожалуй, можно, заменив лишь одно звено в формуле Маркса, увидеть другую закономерность: деньги — политика — деньги. Иными словами, деньги, вложенные в политику, помогают дать другие, большие деньги. Конечно, тут трудно говорить о конкретных процентах прибавочной стоимости, но и в этом случае действует непреложный постулат: деньги вкладываются для получения новых должностей, постов, словом, увеличения влияния. Последнее используется для обогащения, захвата под свой контроль новых общественных сфер и в конечном счете для производства новых денег и роста финансового могущества.

Эстафету Синдоны принял другой банкир — Роберто Кальви, глава крупнейшего в Италии частного «Банко Амброзиано». До определенного момента биографии двух банкиров не особенно похожи. Жизнь Кальви выглядит более respectable: старательный банковский служащий, упорно карабкающийся по весьма длинной служебной лестнице, для достижения более высоких ступенек начинающий в зрелом возрасте изучать иностранные языки. Но как только их тропки с Синдоной перекрещиваются на пути служения политике, в их мировоззрении

и образе действий трудно уже уловить какое-либо отличие. На начальном этапе они действуют тандемом, где роль ведущего принадлежала Синдоне. Заметим, однако, в его тени «ведомый» незаметно выдвигается на одну из ведущих ролей в финансовом мире Италии. И когда Синдона выходит из игры, Кальви оказывается не только достойным дублером. Его амбиции выше, аферы масштабнее, а способы их осуществления изощреннее. Губит же того и другого жадность и неразборчивость в средствах. Вскоре после скандала, разразившегося в связи с обнаружением ложи «П-2», для Кальви, с 1977 года тесно с ней связанного, звучит первый тревожный звонок. 20 мая 1981 года его арестовывают по обвинению в незаконном переводе за границу крупных сумм. Делалось это, как сказал бы небезызвестный Остап Бендер, «просто и убедительно». У Кальви была широкая сеть зарубежных филиалов. Периодически его банк покупал у них какие-нибудь акции, платя за них цену, много превышающую их котировку на бирже. Так долгое время без особых хлопот Кальви из своего «итальянского» кармана перекладывал в свой же «заграничный карман» огромные средства, что категорически не поощряется итальянским законодательством. Конечно, там были не только деньги Кальви, но и многих из тех, кто предпочитал действовать в обход закона. Для чего это делается? Для сокрытия доходов, чтобы избежать уплаты налогов. Для спекулятивных операций, и очень часто этот метод используется как ширма для передачи денег политическим деятелям и финансирования политических партий.

Именно связями в мире политики можно объяснить то, что, когда Кальви оказывается за тюремной решеткой, он там не задерживается: ровно через месяц он оказывается на свободе и вновь занимает президентское кресло «Банко Амброзиано». Правда, полностью избежать неприятностей не удастся. Он приговорен к 4 годам тюремного заключения и штрафу в 16,6 млрд. лир, но главное — до апелляционного суда он на свободе, а будет ли приведен в исполнение вынесенный приговор — это еще вопрос.

Для людей масштаба Кальви между вынесением приговора и его исполнением длинная дорога, которую подслеповатая буржуазная Фемида зачастую преодолеть не в силах. Шаги сильно зависят от ритма и интенсивности звона монет, на которые в таких случаях люди типа Кальви не скупятся. Поговаривают, что выход из тюрьмы обошелся Кальви в 3 млрд. лир. Но что за счета, когда речь идет о собственной свободе? Возможно, что деньги сами по себе и не открыли бы для Кальви двери на волю, но в сочетании с помощью друзей из политического мира они оказались универсальной отмычкой, способной вскрыть бастионы итальянской юриспруденции.

Еженедельник «Панорама» писал в связи с этим: «Когда судьи стали поднимать крышки над кипящими кастрюлями «Банко Амброзиано», Кальви нашел главных защитников не в коллегии адвокатов. Он получил нечто большее, заключавшееся в комбинации трех тузов, каковыми

являлись секретари трех крупнейших партий правящей коалиции: христианско-демократической, социалистической и социал-демократической». Добавим, что у Кальви неплохие связи с Ватиканом, которому он, так же как и его предшественник Синдона, оказывал немалые услуги.

Во время заключения Кальви его жене регулярно звонит глава Института религиозных дел, в просторечии называемого Ватиканским банком, Марцинкус. Его интерес к судьбе Кальви небескорыстен. Он опасается, как бы Кальви не «разговорился» о совместных операциях ИОР и «Банко Амброзиано». И, наконец, о судьбе Кальви заботливо печется такой человек, как Франческо Пацценца, не покидавший дома Кальви почти на протяжении всего времени, что банкир находился за решеткой, и развернувший бешеную деятельность. Личность этого человека, постоянно находящегося на виду, тем не менее не совсем ясна, но некоторые характеристики вполне очевидны. Вот, например, что говорит о нем жена Кальви: «Пацценца — человек активный, обладающий немалой долей личной симпатии, но он был и есть агент ЦРУ». Не правда ли, протягивается занятая цепочка: банкир Кальви, член масонской ложи «П-2», — глава ватиканских финансов Поль Марцинкус, кардинал американского происхождения, — итальянец Пацценца, работающий на ЦРУ?

Как раз в эти дни Пацценца сообщает сыну Кальви — Карло, что его срочно хочет видеть монсеньор Джованни Келли, постоянный представитель Ватикана в ООН. Карло Кальви и Пацценца вылетают в Нью-Йорк. Вот что рассказал Карло Кальви о прибытии в Нью-Йорк и событиях, там происходивших. «Нас ожидали известный мафиози, друг Синдоны и Джелли, и священник, впоследствии арестованный за контрабанду предметами искусства (имена этих лиц рассказчик не называет. — Г. З.). Оба посоветовали мне очень внимательно прислушаться к тому, что скажет монсеньор Келли. Затем мы все вместе отправились в штаб-квартиру Ватикана при ООН, где Келли нас принял в своем кабинете. Он в очень дипломатичных тонах и выражениях дал понять, чтобы отец молчал, никаких секретов не выдавал и надеялся на провидение». За корректной и мягкой формой разговора крылись весьма неприглядные дела и столкновения разных интересов. Позже на страницах «Панорамы» Карло Кальви уточняет: «Синдона шантажировал моего отца, и это бесполезно скрывать. Он эксплуатировал финансовые способности отца, присваивал его идеи в проведении операций». Что касается Ватикана, то он, по словам сына Кальви, постоянно выкачивал деньги из «Банко Амброзиано». «Мой отец был финансистом, а Джелли — политиком, — рассказывает Карло Кальви. — Они были тесно связаны. Это так же верно, как то, что несчастья моего отца начались с падения Джелли».

Кто же такой Пацценца, так вольготно чувствующий себя в самых различных сферах?

МЕДИК, СТАВШИЙ ДЕЛЬЦОМ И ШПИОНОМ

Фигура в высшей степени примечательная и незаурядная, Пацэнца сумел стать своим человеком и для масонов, и для банкиров, и для итальянских секретных служб, и для американского ЦРУ. На мой взгляд, только такая изворотливость и дает ему возможность существовать и благополучно выходить из ситуаций, мягко говоря, рискованных. Пусть не таких отчаянных, из которых не смогли выбраться Синдона и Кальви, но достаточно опасных.

Пацэнца всегда элегантен и самоуверен. Костюм от дорогого портного, в котором можно появиться и на официальном обеде, где за столом сидят парламентарии и министры, и в фешенебельном ночном клубе, завсегдатаи которого истинные или мнимые князья, набитые деньгами нефтяные шейхи, носители громких фамилий, у которых за душой и в карманах уже ничего нет, но кому продолжают верить в кредит, великосветские львицы, манекенщицы и просто девицы неопределенных занятий, ищущие себе состоятельных покровителей.

Он хорош собой. Пожалуй, только слишком цепкий взгляд карих глаз немного неприятен. Этот недостаток, однако, легко скрашивается обаятельными манерами и вольготной простотой, с которой он держится. Так обычно ведут себя люди, имеющие за спиной мощную поддержку, не желающие ее открыто демонстрировать, но не почувствовать которую окружающим тем не менее невозможно.

Будучи энергичным и оборотистым человеком, в конце 70-х годов Пацэнца сближается с секретной службой СИСМИ и ее главой генералом Сантовито, обязанным своим быстрым взлетом, впрочем, так же как и падением, масонской ложе «П-2», чьим активным членом он был. Вскоре Пацэнца становится правой рукой генерала, не занимая никакого официального поста. С июня 1980 года Пацэнца становится штатным сотрудником СИСМИ. Тут его талант смекалистого и удачливого дельца разворачивается вовсю, благо со стороны начальства не только нет никаких препятствий, но, напротив, нет отказа ни в чем, даже в использовании служебных самолетов для личных целей. Показательна характеристика, данная Пацэнцей одним из видных деятелей итальянской промышленности, Федерико Домато: «Его философия состоит в том, чтобы как можно больше заработать, а мощное средство в достижении этой цели он видит в тесных связях с миром политики и с секретными службами». Мнение это Домато основывает на личных разговорах с Пацэнцей, который не считает нужным скрывать свои тесные связи с политиками по обе стороны Атлантики, с ЦРУ, французскими секретными службами и Ватиканом. Масштаб его деятельности далеко выходит за рамки рядового сотрудника, и ставки, что он делает в своих авантюрах, велики. Например, ему удастся собрать компрометирующие документы на брата президента США Картера — Билли. Вскоре они оказыва-

ются в руках Александра Хейга и используются не без успеха в предвыборной борьбе противником Картера — Рональдом Рейганом.

Понятно, что такие услуги не остаются неоплаченными, и после избрания Р. Рейгана президентом США в отношениях между Италией и США Пацэнца начинает играть роль посредника, которая, несмотря на отсутствие официальных титулов, куда более значительна, чем, скажем, роль посла, тем более, что посол США к этому времени из Рима отозван, а новый еще не назначен.

Тот же Домато свидетельствует: «В определенном смысле связи между миром политиков Италии и ее правительством и новой группой, пришедшей к власти в США, поддерживались, по существу, между Пацэнцой и Майклом Лединым» (также сотрудник ЦРУ. — Г. З.). Наряду с этим Пацэнца расширяет и укрепляет свои связи с мафией. У него частые и тесные контакты с такими известными бандитами, как Данило Аббручати и Доменико Балдучи. Кстати, первый был убит во время покушения на вице-президента «Банко Амброзиано». Что это, случайность? Пожалуй, нет. Это еще одна ниточка, связывающая Пацэнцу и с «Банко Амброзиано», и с Кальви, которому мешал его заместитель Розоне. Несомненно, что Розоне досаждал и самому Пацэнце, числившемуся советником Кальви, за что он получал кругленькую сумму в 500 млн. лир. Если добавить к этому 100 млн., ежемесячно получаемых от СИСМИ, то доходам Пацэнцы многие могли бы позавидовать.

Он продолжает получать деньги от секретных служб и тогда, когда на смену генералу Сантовито приходит генерал Нинетто Лугарези (1981—1984 гг.). Близок Пацэнца и с Пьетро Музумечи, вторым лицом и начальником отдела контроля и безопасности СИСМИ. И вновь невозможно обойти молчанием активное участие Пацэнцы в делах ложи «П-2». И, конечно, как никто другой, Пацэнца усвоил истину, что все его закулисные махинации наиболее безопасны при наличии высокого покровительства. В свою очередь, он старается быть полезным сильным мира сего, оказывая им деликатные услуги, которые делают его «своим человеком».

В частности, он организует в 1981 году, едва в кресло президента США садится Р. Рейган, поездку за океан тогдашнего секретаря демокристической партии Фламинио Пикколи. Как же, в США пришла к власти новая администрация, и лидер ХДП хочет заручиться поддержкой нового хозяина Белого дома. Слов нет, самое верное средство — личное общение. Тут, однако, у Пацэнцы происходит маленькая осечка. Очередь желающих поскорее попасть в Белый дом велика, ведь новый президент занял его всего каких-нибудь две-три недели назад, а Пацэнца хотя уже и замечен, но еще не столь влиятелен, чтобы вводить туда своих протеже за ручку. Все же ему удастся организовать встречу Пикколи с госсекретарем Хейгом — фигурой по тем временам очень влиятельной. Неделью лидер ХДП и Пацэнца проводят неразлуч-

но. Последний вводит Пикколи в так называемое итало-американское сообщество, где немалую роль играет мафия. Это для Пацценцы ничего не стоит, ведь он в добрых отношениях не только с «семьей» Гамбино, с которой очень близок Синдона, но и с другой влиятельной мафиозной «семьей» — Дженовезе. Такие услуги тоже не забываются, и в Риме Пикколи платит Пацценце протектированием в итальянских политических кругах.

Стоит ли удивляться, что Пацценца осведомлен о тонкостях многих таинственных дел? Наверное, нет. И думается, газета «Унита» не зря называла Пацценцу «человеком тысячи тайн». Та же газета писала, что «Пацценца, безусловно, знает всю закулисную сторону таинственной смерти Кальви». Вполне вероятно. Бесспорно одно — что Пацценца получил немало денег от Кальви, мог быть заинтересован в физическом уничтожении своего кредитора. Он сам не скрывает, что Кальви открыл на его имя счет на 7,2 млрд. лир. Сделано это было через Швейцарию. Пацценца, правда, утверждает, что он был лишь посредником-распорядителем кредитов. Утверждение, мало похожее на правду. Зачем такому банку, каким был Кальви, прибегать к подобным услугам Пацценцы, он и сам великолепно ориентировался в банковских операциях, в то время как Пацценца при всех своих талантах комбинатора в банковском деле был дилетантом.

Некоторые итальянские газеты называли и другую сумму — 30 млрд., но в этом случае возникает вопрос: на какие цели была ассигнована столь крупная сумма?

Слабая надежда получить ответ на этот вопрос возникла, когда Пацценца был из американской тюрьмы переправлен в Италию в сопровождении полицейских, с руками, надежно скованными легкими никелированными «браслетами». Надо признать, что и наручники он «носил» достаточно изящно, а вскорости его вообще от них освободили, и он, преследуемый в тюремных коридорах настырной журналистской братией, свысока бросал небрежные реплики направо и налево, изредка затягиваясь трубкой, табачный аромат которой, казалось, проникал даже на телевизионный экран. Кстати, за восемь лет работы в Италии я что-то не припомню случая, чтобы кого-нибудь из арестованных при перевозке в зал ли суда, на допрос ли к следователю освобождали от «браслетов». Помню, тогда еще подумалось о том, какие же мощные силы стоят за спиной этого хлыща, чаще всего появляющегося на экранах телевизоров в простой голубой рубашке, сшитой с дорогостоящей скромностью.

Едва вступив на итальянскую землю в качестве свидетеля по делу о крахе «Амброзиано», Пацценца потребовал, чтобы ему в тюремную камеру была доставлена полевая кухня, поскольку, не доверяя никому, он был намерен готовить себе пищу сам. До этого, правда, дело не дошло, но что Пацценца серьезно опасался за свою жизнь, — это факт. Еще сидя в американской тюрьме, Пацценца не раз говорил: «Боюсь, что меня

ждет такой же конец, как и Синдону». Беспокойство высказывал и его адвокат Э. Моррисон: «Я озабочен безопасностью моего клиента и сохранностью тех документов, что он с собой привез». Опасения, по-видимому, не беспочвенные, особенно если учесть, что в одном из телевизионных интервью Пацэнца недвусмысленно поделился желанием «отомстить друзьям, которые меня оставили, конечно, если они мне дадут на это время». Однако он не спешил с мстостью и ограничивался молчанием по наиболее интересным пунктам своей деятельности.

Вообще-то за Пацэнцей числится много грехов и выдано немало ордеров на его арест. Среди обвинений фигурирует широкий спектр противозаконных деяний, начиная от вымогательства и мошенничества до связи с мафией, от разглашения государственных секретов до банкротства, от шпионажа до создания в недрах секретных итальянских служб параллельной службы, так называемой «Супер «С».

Сложность состояла в том, что среди всех этих обвинений американскими властями принято во внимание было лишь одно — крах «Банко Амброзиано». Поэтому официально Пацэнцу смогли допросить только по вопросам, касающимся этого события, а по остальным делам он иногда «под настроение» давал кое-какие показания, отказываясь от них буквально на следующий же день. Словом, вел себя как капризная разборчивая невеста, однако за всем этим крылся холодный и четкий расчет, а в уме этому сорокалетнему мужчине, предпочитающему личную «плейбой», отказать никак нельзя. И дело, конечно, не в дипломе врача, который, правда, никогда не практиковал, и не в нескольких языках, которыми он свободно владеет. Здесь, по-видимому, тот случай, когда щедроты природных дарований употреблены их владельцем во вред другим людям, закону и морали. Впрочем, он вполне вписывается в картину злоупотреблений и нравов, царящих в итальянской элите, где переплелись интересы мафии, банкиров, секретных служб и обыкновенных проходимцев, ватиканской верхушки, масонов, политиков и генералов. Юридические и моральные нормы отступают под их давлением. О чем свидетельствует и то, что Пацэнца был освобожден из-под стражи. Не исключено, что услуги Пацэнцы могут кому-то еще понадобиться. В таком случае этот проходимец, занимавшийся в часы досуга подводным плаванием, где он тоже достиг немалого мастерства, вновь нырнет в мутные воды политиканства, манипуляций и афер, без которых органически не может существовать общество, чья шкала ценностей начинается и кончается двумя идолами — властью и деньгами.

ОРДЕРА НА АРЕСТ СВЯТЫХ ОТЦОВ

До самого последнего времени Ватиканский банк (ИОР) отрицал свои тесные связи с «Амброзиано». На самом деле это не так. И здесь снова возникает фигура Пацэнцы. Вот что он говорит: «Мне было пору-

чено собрать сведения о Марцинкусе. Указание об этом я получил от генерала Сантовито (глава секретной службы СИСМИ.— Г. 3.), а к нему с такой просьбой обратился кардинал Казароли». Не будем комментировать участие в этом деле СИСМИ, но любопытны нравы, царящие в Ватикане, если один из влиятельнейших кардиналов обращается с подобными просьбами к шпионскому ведомству. Это, как минимум, свидетельство острой борьбы за власть между Казароли и Марцинкусом.

«Мне удалось найти источник информации,— продолжает Пацэнца,— который рассказал о малоприглядных связях между Синдоной и Марцинкусом». Пачкой документов об этом располагал кардинал Ваноцци, который намеревался использовать их против Марцинкуса. Сделать это помешала ему смерть. Затем документы попали, по словам Пацэнцы, в руки «алчных авантюристов». Как узнал об этом Р. Кальви, остается неизвестным, но он тоже был очень заинтересован в получении бумаг, компрометирующих Марцинкуса. Чтобы привлечь на свою сторону Пацэнцу, он предложил ему место в правлении «Амброзиано», но у того хватило предусмотрительности и «скромности». Пацэнца согласился лишь быть личным консультантом Кальви. Судя по всему, оплата была неплоха, если Пацэнца открыл двери крупных политических деятелей для родственников Кальви и сам проявил невероятную активность, особенно после того, как Кальви написал в записке: «Судебный процесс надо мною называется ИОР (Институт религиозных дел, т. е. Ватиканский банк.— Г. 3.)». Совершенно не исключено и очень даже вероятно, что Пацэнца был слугой двух господ: с одной стороны, он делал все возможное, чтоб связи «Амброзиано» и ИОР не стали достоянием гласности, с другой,— прилагал усилия, чтобы освободить из тюрьмы главу «Амброзиано» Кальви. Похоже, что со свойственной ему ловкостью Пацэнце удалось добиться и той и другой цели. Иное дело, что ситуация у Р. Кальви была столь серьезной, что освобождение его из тюрьмы и возвращение к рулю «Банко Амброзиано» были лишь последней передышкой. Далее водопад несчастий обрушился на банкира Кальви. Из него он уже не сумел выбраться, хотя и предпринимал лихорадочные попытки. Корабль под названием «Банко Амброзиано» дал столь серьезную течь, что ему было суждено потонуть в пучине краха, а его капитану не осталось ничего другого, как с фальшивым паспортом и наклеенными усами бежать за пределы Италии, пользоваться гостеприимством девиц сомнительной репутации, услугами контрабандистов и уголовников, метаться из страны в страну и наконец найти последнее успокоение в Лондоне, под старым и мрачным мостом с вполне подходящим названием «Черные братья», где 18 июня 1982 года был обнаружен труп Кальви с веревкой на шее.

До сих пор идут споры: было это убийство или самоубийство. Кому-то хочется убедить общественность, что речь идет о банальном самоубийстве разорившегося банкира, хотя многие факты говорят о хорошо спланированном и хладнокровно осуществленном преступлении. Специ-

алисты утверждают, что оранжевая веревка со скользящей петлей была заброшена на шею Кальви сзади и затянута — способ убийства, весьма распространенный в среде итальянской мафии. Тело задушенного Кальви было подвешено за перекладину моста и опущено в воду. В карманах Кальви обнаружено несколько кирпичей общим весом около семи килограммов. С таким грузом Кальви попросту не смог бы добраться до места, где было обнаружено его тело. Не будем далее вдаваться в криминалистические тонкости. Зададимся лишь вопросом: каким мог быть мотив убийства? Здесь мы сразу натываемся на прелюбопытнейшие факты.

Деньги убийц не интересовали. Довольно значительная сумма осталась нетронутой в карманах пиджака. Зато исчез черный портфель, с которым Кальви никогда не расставался. Его дочь Анна рассказывает, что отец при посторонних вообще его никогда не раскрывал и в нем не было ничего, кроме бумаг. Особенно отец дорожил двумя весьма толстыми записными книжками. Представление о том, какие секреты там содержались, может дать одна страничка, случайно оброненная возле труп. Ее порядковый номер 47, а на ней имена и фамилии, начинающиеся с буквы «F», всего шестой буквы латинского алфавита. Сколько же вообще было страниц в этих записных книжках? Остается лишь гадать, но, несомненно, их было очень много. Приведем несколько имен, записанных на найденной страничке: Марио Феррари, друг Кальви и заведующий экономико-финансовым отделом демохристианской партии; Альберто Феррари, директор «Банко нацонале дель лаворо», масон из ложи «П-2» (членский билет № 1625); Руджеро Фурраро, директор одной из страховых компаний и масон из «П-2» (билет № 1609) и т. п.

К точно установленным фактам можно добавить и версию, получившую довольно распространенную в итальянской печати известность, о том, что Кальви был тесно связан не только с итальянской «П-2», но и с «Великой материнской ложей Англии», активно действующей в лондонском Сити. Есть, правда, документально не доказанные сведения о контактах Кальви с ложей «Блэк фрайарс», чье название, по странной игре случая, совпадает с названием моста, под которым был найден труп Кальви.

Наверное, есть смысл упомянуть и о том, что в середине 1986 года знаменитая сумка Кальви всплыла на свет божий при туманно-таинственных обстоятельствах. Ее предложили приобрести депутату парламента от неофашистской партии Пизану за 50 млн. лир. По его словам, он отказался, считая это какой-то аферой. Сумка, однако, оказалась у него, и Пизану предложил ее известному итальянскому публицисту Энцо Бьяджи. База, на которой произошло это соглашение, тоже осталась неясной. В один прекрасный вечер вся Италия сидела перед телевизорами, ожидая, что же Бьяджи обнаружит в таинственной сумке. Ожидаемого эффекта не получилось. Интересных бумаг в ней не оказалось. Там нашлись лишь разрозненные ключи неизвестно от каких дверей. Ожида-

емых ключей от сейфов «Банко дель Готтардо», принадлежащего когда-то «Банко Амброзиано», а также Союзу швейцарских банков, в сумке не оказалось. Именно в этих сейфах «великий магистр» масонской ложи «П-2» Личо Джелли хранил золото и деньги на общую сумму 70 млн. долларов.

Кажется, что именно здесь нужно сказать, что Ватиканский банк (ИОР), сумевший поначалу вроде бы остаться в стороне от краха «Амброзиано», тоже понес в конце концов убытки, прежде всего моральные и престижные. Упомянем, что после краха «Амброзиано» Ватиканский банк сделал красивый жест и передал пострадавшим вкладчикам «добровольный взнос» в размере 250 млн. долларов. Уже тогда подобная щедрость вызвала сомнение в своем бескорыстии. Действительно, с чего бы это вдруг ватиканские финансисты выложили такую сумму? Спустя пять лет мотивы таких действий стали понятны. Это была плата за то, чтобы участие ИОР в аферах «Амброзиано» осталось в тени. Однако все тайное рано или поздно становится явным. В марте 1987 года миланская прокуратура выдала ордера на арест президента ИОР Поля Марцинкуса, управляющего Луиджи Меннини и главного бухгалтера Пеллегрини Де Стробеля. Все трое были признаны ответственными за крах «Амброзиано». Отмечая, что в этой отнюдь не святой троице ведущую роль играет Марцинкус, еженедельник «Панорама» писал, что он имеет в США несколько имений и множество элеваторов. Любопытно, откуда все это у человека, начинавшего свою карьеру в Ватикане телохранителем папы?

Судя по всему, ИОР и «Амброзиано» действовали в полном согласии. Первый владел 16% акций второго. Как теперь вспоминает один из членов административного совета «Амброзиано», Джузеппе Приско, это обстоятельство вызывало когда-то большой энтузиазм: «Ведь это же Ватикан! Кто мог сомневаться в его надежности?» — Симбиоз, конечно, очень странный, особенно если учесть, что католическая церковь никогда не жаловала масонов. А ведь Р. Кальви был активным членом масонской ложи «П-2» и находился в дружеских отношениях с главой Л. Джелли.

Пять лет руководству ИОР удавалось отмалчиваться, но наконец-то стало известно, что Ватиканский банк давал в 1981 году Р. Кальви гарантийные письма, подписанные П. Марцинкусом. Ими ИОР брал на себя обязанности гаранта в отношении ряда долгов «Амброзиано» за границей. Это не было ни ошибкой, ни добросовестным заблуждением. На этот счет журнал «Панорама» высказывается весьма категорично: «Доказательство финансового сговора между Ватиканским банком и Кальви было спрятано в том лабиринте банковских институтов и компаний Латинской Америки, которые подчинялись «Сизэлпайн оверсиз бэнк» в г. Насау, в административный совет которого наряду с главным советником Кальви входил также президент ИОР Марцинкус».

Комментируя ситуацию, другой еженедельник, «Эспрессо», бодро заключал: «Через пять лет после смерти Р. Кальви следствие вышло на финишную прямую». От ордера на арест до суда дистанция оказалась скорее марафонская, особенно если принять во внимание, что ватиканское гражданство Марцинкуса надежно укрывает его от претензий итальянского правосудия. Что же касается его ближайших помощников, граждан Италии, то они пока предпочитают не выходить за пределы ватиканских стен. Соглашения же, регулирующего выдачу преступников, между Италией и Ватиканом нет.

Многие детали, связанные с крахом «Банко Амброзиано», стали известны в самое последнее время, но, как ни парадоксально, один из главных вопросов все еще остается открытым. Состоит он в том, что до сих пор неизвестно, куда же делись деньги из касс «Амброзиано». Видимо, следует признать, что вряд ли когда-нибудь этот вопрос будет выяснен до конца. Прежде всего потому, что те, кто погрел на этом руки, будут молчать. Будут молчать и политические партии, и святые отцы, и обыкновенные ловкачи.

На эту не слишком оптимистическую мысль наводят события, связанные с еще одним лицом, весьма заметным в Ватикане. Это кардинал Хилари, возглавляющий департамент, наблюдающий за дисциплиной и поведением священнослужителей. Он успешно сочетает эту деятельность с другими делами, для чего в центре Рима содержит личный офис. Началось все с того, что в июне 1985 года монсеньор Хилари, порывшись в складах сутаны, извлек оттуда чековую книжку и выдал одному американцу чек на 10 млн. долларов (по тогдашнему курсу почти на 20 млрд. итальянских лир.— Г. З.). Сумма весьма значительная и уж во всяком случае вызывающая вопрос, за что она уплачена.

Когда таинственный обладатель чека (имя его до сих пор не обнародовано.— Г. З.) явился в Нью-Йорке получать названную сумму, его попросили повременить 24 часа, а тем временем связались с «Банко нацонале дель лаворо» в Италии, который должен был этот чек оплатить. Дирекция банка отказалась это сделать по двум причинам: во-первых, на счету Хилари не было таких денег; во-вторых, сама операция очень походила на незаконный перевод средств за границу.

Отсутствие таких денег на счету в принципе допустимо, но либо при наличии серьезных гарантов кредитоспособности, либо в случае, когда на счет ожидалось солидные поступления. Автор склонен считать, что Хилари, выдавая чек, рассчитывал именно на второй вариант. Странно, конечно, что он решился выписать чек на столь крупную сумму, а не ряд чеков на более мелкие суммы. Наверное, что-то не сработало в цепи, которую выявить не удалось. Иначе легкомыслие Хилари просто необъяснимо.

Кстати, соответствующие органы не могли задать вопросов Хилари почти два года, и лишь в январе 1987 года заместитель прокурора Рима Пьетро Кталани решился отправить монсеньору Хилари желтый кон-

верт. Он содержал всего лишь один листок. Это был вызов для дачи показаний по обвинению в нарушении закона о вывозе капитала. Свои оправдания Хилари построил очень просто: мол, я пастырь человеческих душ, а не финансист. Да, я стал жертвой обмана. Попал в ловушку, но я невиновен. Доказательства? «Ведь у меня не было таких денег!» Нельзя сказать, что прокуратуру удовлетворили эти объяснения. Она сделала попытку допросить человека, которому был выдан чек на 10 млн. долларов. Для этого требовалось вмешательство министерства юстиции, но почему-то ходатайство прокуратуры осталось без ответа.

Напрасно. Можно полагать, что выяснились бы интересные обстоятельства. Ведь на самом деле монсеньор Хилари не такой простак, каким он представился в прокуратуре. Известно, что весной 1982 года, когда сгустились тучи над «Амброзиано» и Кальви искал помощи в Ватикане у своих компаньонов из ИОР, Хилари выполнял посредническую роль вместе с кардиналом Палаццини и группой дельцов, в которую входил небезызвестный Пацценца. После краха «Амброзиано» и смерти Кальви его ни разу не допрашивали. По словам журнала «Панорама», он, как всегда, спокойно курсировал между Италией и США и продолжал пользоваться большим доверием американского государственного департамента. Тот же журнал не исключает, что деньги, которые Хилари пытался перевести в США, были частью сумм, составлявших когда-то могущество финансовой империи «Амброзиано». Жаль, что эту ниточку компетентные органы Италии не захотели или не смогли потянуть дальше. Что делать, похоже, и их возможности ограничены, особенно когда речь идет о столь деликатном деле.

Скажем лишь о том, что хорошо известно. Охота за сокровищами «Амброзиано» велась по всем правилам искусства, и здесь нам снова придется столкнуться с масонской ложей «П-2».

ТЮРЕМНАЯ РЕШЕТКА — НЕ ПРЕГРАДА

13 сентября 1982 года, около трех часов пополудни, в крупнейший банк «Швайцерише банкгезельшафт» вошли два уважаемых гражданина. Подозрение банковского служащего они вызвали тем, что пожелали получить необычно крупную сумму в 180 млрд. лир, заключавшуюся в валюте, золоте и ценных бумагах. Их пригласили подождать в приемной для особо важных клиентов, одновременно связались со швейцарской полицией. После небольшой комедии, разыгранной перед полицейскими, один из них признал: «Да, я Личо Джелли». На второй фигуре мы не останавливаемся, чтобы не увести наш рассказ в сторону.

Джелли помещают в швейцарскую тюрьму Шан-Долон. Его камера напоминает скорее комфортабельно обставленные апартаменты. Еду узнику доставляют из лучших ресторанов, причем он обнаруживает себя утонченным гурманом. Вместо обычных прогулок по тюремному двору

Джелли для променада предоставляется терраса, расположенная на крыше. Ведет себя заключенный безмятежно, ежедневно встречается с женой и дочерью и даже пишет стихи. К его услугам лучшие адвокаты. Джелли ведет себя так, как будто произошло какое-то досадное недоразумение, которое вот-вот разрешится. Тем временем всплывают некоторые факты, которые вряд ли могли бы способствовать ровному состоянию духа Джелли. В частности, выясняется, что у логи «П-2» был заграничный филиал в Монте-Карло, называвшийся безлико и безобидно: «Комитет», в функции которого входили далеко не невинные цели. Здесь и крупнейшие биржевые операции на головокружительные суммы, и проект передачи в частные руки тех химических предприятий Италии, где участвует государственный капитал, и все та же идея «белого переворота». Трудно удержаться, чтобы не привести пару цитат из устава «Комитета». «Членами «Комитета» могут быть прежде всего лица, которые еще до вступления в него обладали максимально возможным влиянием в какой-нибудь сфере культурной, экономической или политической жизни... Необходимо завоевывать, осуществлять, удерживать, увеличивать и укреплять власть членов «Комитета». Комментарии тут не требуются, заметим лишь, что для достижения своих задач «Комитет», как и «П-2», прибегает к услугам лиц попросту скандальной биографии.

Например, создавать «Комитет» помогал Стефано Делле Кьяйе, близкий друг Джелли на протяжении десятков лет, такой же фашист по убеждениям, причастный почти ко всем крупным террористическим актам, проведенным чернорубашечниками. Делле Кьяйе — старый член фашистской организации «Национальный авангард», менявшей для конспирации несколько раз свои названия. Вместе с известным палачом Лиона эсэсовцем Клаусом Барбье подвизался в начале 80-х годов в Боливии. В это же время Кьяйе имел в Италии ближайших подручных Альфредо Гранити и Пьерлуиджи Пальяи. Делле Кьяйе со своими подручными подготовил и осуществил взрыв в сельскохозяйственном банке Милана, когда погибло 17 человек и десятки получили ранения. Он же помог другому фашисту из «Нового порядка» раздобыть фальшивый паспорт и скрыться из Италии. Таким образом, Франко Фреда удалось избежать суда. Таковы «помощники» Джелли, с которыми он собирался делать «белый переворот».

Безмятежность «великого магистра», казалось бы, примирившегося с зарешеченным окном комфортабельной камеры, была мнимой, но разыгрывалась чрезвычайно искусно. Джелли, у которого притворство давно стало второй натурой, без особого труда разыграл роль смиренного грешника. Конечно, нужно было хотя бы немного знать Джелли, чтобы представлять себе его склонность к маскараду, актерству и притворству. Еще когда он был на свободе, его не раз видели прогуливающимся на берегу Женевского озера в форме офицера связи армии США. Что это, отражение все той же страсти к «полковникам»? Ком-

плекс неполноценности человека, обладающего немалой властью и влиянием и в то же время не имеющего никаких высоких официальных постов, предполагающих протокольные почести и поклонение? А может, это какая-то очередная «комбинация», где визави следовало огоршить высоким рангом американского офицера? Как бы то ни было, но за Джелли нельзя не признать больших способностей притворщика и лицедея. Вот что, например, говорит о Джелли собственная мать: «Личо из тех, кому всегда удастся выкрутиться. Он сделает это любой ценой. Когда возник скандал из-за ложки «П-2», он ускользнул, погубив своих друзей. Пусть на короткое время, но по его вине угодила за решетку даже собственная дочь».

Мягко говоря, нужно быть не совсем порядочным человеком, чтобы заслужить такие характеристики у собственной матери. Они могли быть неизвестны швейцарским тюремным властям, но уж то, что у них содержится отнюдь не рядовой преступник, было совершенно ясно. Тем не менее они старались изо всех сил скрасить жизнь узника. Речь не только об обычном комфорте. Джелли, в частности, было разрешено брать уроки французского языка, которым он, кстати, владел, у сотрудника тюрьмы Умберто Този. Лишь позже стало достоянием общественности, что тот был главой одной из масонских лож Женевы. К тому же Джелли посулил ему в будущем заманчивое местечко и кое-что в звонкой монете. Стоит ли удивляться, что у Джелли была постоянная и устойчивая связь с внешним миром. Для этой же цели служил и тюремный надзиратель Эдуардо Черезе.

Более того, швейцарские власти были предупреждены о том, что в тюрьме Шан-Долон готовится «крупное событие», и о том, что тюремщикам, недавно принятым на работу, нельзя полностью доверять. Сказать, чтобы не было никакой реакции, нельзя, но ограничились лишь усилением наружной охраны тюрьмы. Специалистам, конечно, виднее, какие меры следует предпринимать в подобных случаях, но обыкновенный здравый смысл подсказывает, что, когда речь идет об авантюристе такого высокого полета, как Джелли, этого явно недостаточно.

Короче, Джелли снова «выкрутился» и снова вовремя: как раз предстояла передача его в руки итальянских властей. Существует несколько толкований, как ему это удалось, но в целом они более или менее совпадают.

Тюремщик Черезе (кстати, он итальянского происхождения.— Г. З.) вывел Джелли в ночь на 10 августа 1983 года из камеры и спрятал его в своем автофургончике. Затем, дождавшись смены, он перевез его на территорию Франции. Здесь также не обошлось без мажора. В камере Джелли был брошен шприц, инсценирована борьба, а в наружном провололочном заграждении тюрьмы проделана дыра. По мысли организаторов, это должно было навести власти на гипотезу о похищении Джелли и по меньшей мере дать возможность беглецу выиграть несколько важных часов.

После бегства Джелли шеф женевской полиции Ги Фонтане ограничился крайне односложным комментарием: «Неприятно и досадно». Все это так, но вновь, в который уже раз встает масса вопросов, на которые ответа так и не предвидится.

Даже в самой захудалой, не то что такой надежной, как Шан-Долон, тюрьме охрана построена так, чтобы один надзиратель ни в коем случае не мог организовать побег заключенному. Итак, вопрос первый: как и, главное, почему ничего не видели и не слышали другие надзиратели? Почему «закрылись» глаза у таких объективных наблюдателей, как телекамеры, и онемел язык бесчисленных электронных устройств, в чьи «служебные» обязанности входит поднимать тревогу? Мог ли рядовой надзиратель один обеспечить столь благоприятные условия для побега? Очень сомнительно.

Единственное, что действительно выглядит правдоподобным, так это переправа Джелли через швейцарско-французскую границу. В общем-то провезти человека, скажем, в багажнике не так уж трудно. Проверяется далеко не каждая машина. Конечно, риск есть, но Джелли не из тех людей, кто доверит свою жизнь и свободу слепой игре случая. Вероятнее всего предполагать, что такого рода случайность была исключена. Не может даже идти речи о более или менее мотивированном подозрении, потому что таков порядок: при пересечении границ внутри Европейского экономического сообщества машины контролируются выборочно.

Многие детали бегства Джелли указывают, что это была не импровизация, а тщательно спланированная акция. По сообщению агентства Франс Пресс, за тюремщиком Джелли, который переправил его во Францию, около месяца следила полиция. И снова вопрос: как она могла выпустить из поля зрения в самый решающий момент подозреваемого Чезаре? Логично предположить, что тюремный надзиратель был лишь небольшим винтиком в сложной машине заговора с целью освобождения Джелли. А ведь «внимание» к нему было столь пристальным, что контролировались даже его телефонные разговоры. «Великий магистр», прекрасно знакомый с законами конспирации, великолепно знает, что нужно не только постоянно менять обличья, но делать то же самое и со средствами транспорта. Как явствует из многих сообщений, оказавшись на французской территории, Джелли сразу расстался с тюремщиком. Его поджидал вертолет, арендованный антикваром из Монако, неким Аланом Диверини. Выяснилось, что этот друг Джелли доставил последнего из небольшого городка Аннеси, расположенного близ границы со Швейцарией, в Монако. Французские полицейские разыскиали пилота вертолета. По регистрационному журналу был установлен маршрут полета: Аннеси — Ницца. Осталась незафиксированной примечательная деталь. Оказывается, вертолет делал остановку в Монако, а причиной ее, по словам пилота, было то, что у одного из пассажиров на борту неожиданно сильно разболелись зубы. Кто был этим пассажиром?

В отношении того, куда Джелли направил свои стопы из Монако, тоже существуют разночтения, что, впрочем, и неудивительно, когда речь идет о побеге такого авантюриста, как Джелли. Многие, например, считают, что он был в Каннах, а затем перебрался в монастырь на крохотном острове Сен-Онора. В западной печати даже публиковались снимки, сделанные фотографом западногерманского журнала «Квик» с помощью сильного телеобъектива. На них можно увидеть очередной маскарад, к которому прибег Джелли. Он в рясе, широкополой шляпе и без усов. Как отнеслись к этому святые отцы? Один из монахов ответил репортерам: «Здесь не принято спрашивать человека, кто он и откуда, если он стучится в двери монастыря». Примерно то же самое сказал настоятель монастыря полицейским: «Мы не отталкиваем тех, кто приходит сюда поразмышлять на покое». И, как всегда, ставшая уже обязательной таинственная деталь — келья, которую занимал Джелли, помимо обычной решетки, имела еще и занавески. И еще один момент — Джелли бывал в этом монастыре приблизительно за год до своего побега из тюрьмы.

По-видимому, ближе всего к истине версия о том, что побег Джелли был тщательнейшим образом спланирован и просчитан, причем в его подготовке участвовали как отдельные люди, так и организации. Во всяком случае, на это указывает целый ряд признаков. Как раз на Лазурном берегу имеется «Общество взаимопомощи преследуемых фашистов». Называется оно «Катена», что в переводе с итальянского означает «Цепь». К сожалению, о нем почти ничего не известно, кроме целей, которые оно преследует, но более чем вероятно, что оно не осталось равнодушным к судьбе «преследуемого» фашиста Джелли. В названии же его, по-видимому, содержится и ответ на вопрос, как это делается. Имеется в виду, что нужных им людей они по цепочке переправляют до тех пор, пока те не достигнут тихой и безопасной для них гавани, чаще всего по ту сторону Атлантики.

Напомним, что и Джелли в свое время активно помогал нацистам уходить от справедливой кары, заодно переправляя и награбленные богатства.

Во время пребывания Джелли во Франции он вполне мог пользоваться гостеприимством и услугами масонской ложи «тамплиеров» — храмовников, которые поддерживали с «П-2» весьма тесные контакты. Предположения и факты туго переплетаются в загадочной истории бегства. Например, когда 19 августа 1983 года начальник тюрьмы Шан-Долон позвонил женевскому адвокату Марио Торелло (ему итальянским правительством было поручено отстаивать в суде Лозанны требование о выдаче Джелли в Италию.— Г. З.), то услышал в ответ на информацию об исчезновении Джелли вопрос: «А вы уверены, что он не спрятался где-нибудь на территории тюрьмы?» Вопрос кажется странным только на первый взгляд. Оказывается, в наиболее надежной тюрьме Швейцарии, открытой в 1977 году, неоднократно делались попытки

к бегству, причем убежавшие заключенные прятались в автомобилях сотрудников этого исправительного заведения, место для стоянки которых определено... внутри тюремной ограды. Неужели начальник тюрьмы забыл об имевших место прецедентах?

Сардонически комментировал бегство Джелли президент межкантонального союза итальянского землячества в Швейцарии Ливио Бреди: «Странно, если бы он этого не сделал, имея такое покровительство в Женеве». Было ли оно на самом деле? Можно в этом не сомневаться. За три месяца до бегства Джелли коммендаторе Бреди (это звание присваивается итальянским правительством лицам, внесшим серьезный вклад в развитие экономики, промышленности или культуры.—Г. З.) отправил в министерство иностранных дел Италии телеграмму следующего содержания: «Или вы смените итальянского консула в Женеве, или же итальянское землячество организует праздник Дня республики (2 июня), разоблачая причастность высоких дипломатических сфер к темным делам, творящимся в Женеве». Этой телеграмме предшествовало письмо Л. Бреди, которое он отправил сенатору от демохристианской партии Анджело Павану, в котором сообщал, что адвокат Доменик Понсе, представлявший интересы Джелли, получил 10 тысяч швейцарских франков. Их заплатил «Итальянский консульский координационный комитет» — нечто вроде общества вспомоществования итальянцам-эмигрантам, которых насчитывается в Женеве более 35 тысяч. Как следует из самого названия, им как раз и руководит итальянское консульство. Сенатор А. Паван в связи с этим отправил запрос в МИД Италии, но ему попросту не ответили.

К чести Л. Бреди, он не успокоился и обратился к Тине Ансельми, председателю парламентской комиссии по расследованию деятельности ложи «П-2». Он напрямую высказал свои подозрения, что итальянский консул в Женеве Фердинандо Мор тесно связан с масонством и именно поэтому поддерживает постоянные контакты с Джелли, сидящим в Шан-Долон. В канун рождества он лично прибыл в тюрьму, чтобы вручить Джелли праздничный кекс. После этого он еще минимум трижды посещал «великого магистра». Такая активность вызвала неудовольствие даже адвоката Джелли — Д. Понсе, хотя он и был в хороших личных отношениях с консулом. Он поставил перед начальником тюрьмы ультиматум: «Впредь те, кто хочет встречаться с Джелли, должны испрашивать специальное разрешение». В данном случае скорее всего адвокатом руководили корыстные мотивы, ибо он заметил, что с некоторых пор Джелли стал прислушиваться к его советам не столь внимательно, и почувствовал конкуренцию. Раздражение адвоката станет легко объяснимым, если упомянуть, что от своего клиента он получал по одному миллиону лир в день.

Адвокат Д. Понсе, конечно, не зря получал свой миллион. Прежде всего ему удалось на многие месяцы затянуть решение суда Лозанны о выдаче Джелли в Италию, чего панически боялся «великий магистр».

Быть может, именно благодаря этой затяжке Джелли удалось организовать и осуществить побег из тюрьмы. Есть и еще одно объяснение столь щедрого гонорара от Джелли: адвокат, так сказать по совместительству, представлял имущественные интересы Джелли, по существу, выполняя роль маклера и посредника. За те 11 месяцев, что Джелли сидел в Шан-Долон, его адвокат приобрел для него виллу, офис и апартаменты в Женеве. Кроме того, будучи представителем Джелли, он весьма выгодно и удачно играл на бирже.

Что же можно сказать об итальянском консуле в Женеве Фердинандо Море? Пресса пишет о нем как о респектабельном джентльмене, перешагнувшем уже порог своего шестидесятилетия, высокообразованном и блестящем собеседнике. Иронически замечают, что он скуповат. Это якобы подтверждает его генуэзское происхождение, поскольку в Италии распространено мнение, что в наследство от генуэзских купцов осталась не только слава отчаянных мореходов и удачливых торговцев, но и некоторая прижимистость, свойственная жителям Генуи. По наблюдениям автора, слишком бережливых, впрочем, так же, как и широким, людей можно встретить в любой части Италии, да, наверное, и в любой части света. Возвращаясь же к консулу Мору, заметим лишь, что то самое общество вспомоществования, которое столь щедро оплачивало адвоката Джелли, имеет в качестве секретаря... Умберто Този. Да-да, того самого сотрудника тюрьмы Шан-Долон, с которым Джелли занимался французским языком, а место секретаря он получил по протекции консула Мора. Несомненно, их связывают и масонские узы. Во всяком случае, бывший полковник секретных служб Никола Фальде, давая показания перед парламентской комиссией по «П-2», заявил: «Да, я давно вступил в масонство и рекомендацию мне дал Фердинандо Мор». Вот такая складывается мозаика! В нее же впритирку ложится и черное пятно связей консула с неонацистом Элио Чиолини, который предложил секретной службе «сенсационные» сведения о взрыве на вокзале в Болонье. Сведения оказались, грубо говоря, «липой», и цель их была — увести следствие в сторону. Есть данные, указывающие на то, что идея подкинуть эту «липу» принадлежала консулу Мору. Кстати, сказать, СИСМИ уплатили Чиолини 120 млн. лир, причем тогда, когда абсурдность его показаний была абсолютно ясна. О причинах такой безосновательной щедрости можно лишь строить гипотезы.

Ставит под сомнение должностную порядочность консула Мора и лозаннская журналистка Изабелла Домон. Она утверждает, что при содействии Мора был получен из Мадрида и передан Джелли паспорт и все необходимые документы для его вояжей. Журналистка, не раскрывая своих источников информации, настаивает на том, что у нее «есть все основания так писать». Консул Мор зафордыбачился и даже подал на журналистку в суд. Однако дальше благородного негодования дело не пошло, и он вскоре покинул Швейцарию, пересев в посольское кресло одной из африканских стран, чем и подтвердил предположение,

фигурировавшее на страницах печати, о том, что Джелли за содействие сулил ему ранг посла. Вышло как по писаному: Джелли удалось благополучно миновать ворота Шан-Долон и пограничные посты, а Мор пересек несколько границ с дипломатическим паспортом более высокого ранга.

Как ни велики возможности консула, судя по всему, в запасе было еще несколько, так сказать, страховочных вариантов. По утверждению журнала «Эуропо», есть свидетель, который клянется, что последние месяцы, предшествующие побегу Джелли, он встречал в Женеве Франческо Паценцу и Маурицио Маццота (тоже близко связан с ЦРУ.— Г. З.). Здесь же не раз видели Федерико Феде, адвоката, который постоянно сопровождал Джелли, когда тот находился еще на свободе. В Женеву регулярно наведывался Стефано Делле Кьяйе, неофашист и опаснейший террорист — друг и подручный Джелли. Действовали ли они сообща или каждый по своей, так сказать, линии, определить трудно, тем более, что они хорошо знают законы конспирации и без крайней нужды их не нарушают.

Примерно год спустя после бегства Джелли стало ясно, что активную роль в организации его побега играл старший сын Джелли — Раффаэлло и некоторые другие лица. Вот что рассказал журналу «Панорама» Паоло Аольдини, дизайнер из Милана.

Он познакомился с Джелли в 1976 году, и они в течение нескольких лет поддерживали отношения, о которых принято говорить «дружили семьями». Когда Джелли угодил в тюрьму, всякие контакты оборвались, и о родственниках Джелли не было, что называется, ни слуху, ни духу. В июне 1983 года в доме Аольдини раздался телефонный звонок. Говорил Раффаэлло Джелли. Он предложил Ольдини и его семье погостить у них в местечке Кап Ферре на Лазурном берегу. В прошлом Ольдини с домочадцами гостил у Джелли в Ареццо, и хотя год они не разговаривали даже по телефону, он с некоторыми сомнениями принял предложение, тем более, что сын Джелли пообещал ему, как дизайнеру, выгодные заказы. В это легко было поверить, ибо все знают, что виллы на Лазурном берегу покупают отнюдь не на последние гроши. И, конечно, не жалеют денег на интерьер, а здесь без услуг дизайнера не обойтись. Словом, семья Ольдини прибыла на виллу «Ле Рок» 19 августа, т. е. через девять дней после переполоха в тюрьме Шан-Долон и далеко за ее пределами, вызванного бегством Джелли. Понятно, что тема эта обсуждалась и между друзьями на вилле «Ле Рок», тем более что Ольдини располагал только газетной информацией. Из разговоров же с Раффаэлло выяснилось, что именно он начал «обхаживать» надзирателя Черезе. В ход были пущены посулы и «подарки» в виде пачек ассигнаций. За содействие побегу Джелли был обещан миллиард лир. Через некоторое время Черезе дал понять Раффаэлло, что без помощи «вышестоящего» начальника не обойтись. Сын Джелли пообещал и тому миллиард. Раффаэлло, не называя имени, утверждает, что у них была встре-

ча. «Панорама» недвусмысленно намекает, что этим «вышестоящим» был сам начальник тюрьмы. Если это так, то, быть может, не стоит и ничему удивляться?

Вяснилось, что план бегства в деталях разработал сам Джелли, сидя в комфортабельной камере Шан-Долон. Ольдини утверждает, что сам видел страничку машинописного текста с подробными инструкциями Джелли, присланными сыну. Он даже приводит такую деталь. Джелли, зная неуравновешенный характер сына, пишет ему, что, когда настанет «великий день», необходимо избежать «любой формы насилия». Кстати, «великий день», т. е. бегство Джелли, сначала планировался на июнь, а не на август. Отложить его пришлось потому, что надзиратель Черезе был переведен работать в дневные смены, а в деле, которое они задумали, естественно, было не обойтись без покровов ночи.

Для чего? Ну, хотя бы для того, чтобы сын Джелли Раффаэлло проделал дыру в металлической сетке, окружавшей тюрьму. Сделал он это обыкновенными садовыми ножницами. Не пожалел и двух килограммов черного перца, чтобы собаки не могли взять «след», который Личо Джелли там никогда не оставлял, поскольку никогда и не пользовался сделанным отверстием. Дальше события, по-видимому, разворачивались следующим образом. Раффаэлло спрятался в придорожных кустах. В районе тюрьмы курсировала машина, за рулем которой был преданный Джелли шофер. Планировалось, что Джелли сразу переседет из машины надзирателя в другой автомобиль. В этом случае след беглеца сразу бы обрывался. Джелли резонно считал, что чем меньше будет знать надзиратель, тем лучше. Если бы этот пункт плана был выполнен, возможно, мы бы никогда не узнали о последовавшем вояже на вертолете. Но оказывается, что даже такие гроссмейстеры закулисных комбинаций, как Джелли, не застрахованы от совершенно дилетантских ошибок. Джелли просто-напросто забыл сказать Черезе, что он собирается пересесть из машины в машину, а может быть, тот что-то не понял.

Произошла и еще одна «накладка». Вертолет в Ницце должен был встречать антиквар Деверини, который не знал всей правды. Его попросили встретить Личо, Раффаэлло и еще «одного друга, интересующегося покупкой антиквариата» (имелся в виду шофер из курсировавшей вокруг тюрьмы машины по имени Ломбарди.— Г. З.). Он должен был поехать их встречать на своем просторном «БМВ». По чистой случайности Деверини не попал в грязную историю, хотя объяснения с полицией ему избежать не удалось. Накануне, 9 августа, он позвонил жене Раффаэлло Марте и сказал, что у него возникли абсолютно неотложные дела и поэтому он не может в семь тридцать утра встретить Джелли. Марта заволновалась, ибо прилетающие, не увидев обусловленного «БМВ», могли решить, что на их след напала полиция, и кто знает, на что бы они тогда решились. Выход нашли в компромиссе. Деверини одолжил Марте свою машину. Та же, в свою очередь, прежде чем сесть за руль и от-

правиться в Монте-Карло, с помощью парика превратилась из блондинки в брюнетку и для верности надела темные очки.

Вертолет опоздал на полтора часа, и можно представить волнения Марты, которая уже включила зажигание, чтобы уехать домой, когда увидела далеко в небе серебристую стрекозу вертолета. Трое мужчин вышли из вертолета, причем лицо Джелли покрывала повязка (у него ведь «болели» зубы), и обомлели: они не сразу узнали Марту в ее черном парике. После короткого замешательства все уселись в машину, и Марта дала газ.

По пути Марта вышла из машины, взяла такси и отправилась в местечко Кап Ферра, на свою виллу «Ле Рок». Ее за рулем сменил Раффаэлло. Вскоре машина остановилась у скромного жилища. Здесь Джелли ждала его жена Ванда. Убежище было маленьким и неудобным, к тому же в доме было много соседей, но выбора не было, поскольку аренда шикарной виллы для укрытия Джелли сорвалась из-за перенесения сроков побега. Как бы то ни было, «великий магистр» получил, а лучше сказать приобрел вождественную свободу. Вернувшись на виллу «Ле Рок», Раффаэлло счел нужным сообщить об этом четырем своим дочерям. Собрав их, он сказал: «У меня хорошая новость. Дедушка вышел из тюрьмы».

Около месяца Джелли пришлось, отказавшись от аристократических привычек, терпеть неудобства крохотной квартирки, больше похожей на курятник, где даже разговаривать приходилось шепотом, чтобы не привлекать внимание соседей за стеной. Выходить оттуда он тоже не решался. В данном случае меры конспирации были самыми примитивными, тем не менее полиция проявила поразительную слепоту. Нам, правда, и впредь предстоит сталкиваться с невиданной близорукостью и наивностью полицейских, когда дело будет касаться Джелли.

Неудобства первого убежища вскоре с лихвой покрылись комфортом и роскошью апартаментов в доме № 43 на бульваре Альберта Первого. Шикарная мебель, стены, обшитые японской соломкой, салон, три спальни, две ванны, огромная терраса с шезлонгами и зонтиками от солнца. Входили и выходили через подземный гараж, откуда лифт доставлял прямо в квартиру, предпочитая не попадаться лишний раз на глаза даже привратнику. Здесь, однако, Джелли чувствовал себя более спокойно, выдавая себя за южноамериканского дипломата. И вновь поражает инертность властей. Ведь разыскивается не какой-нибудь карманник, а крупнейший международный авантюрист!

Наконец, 23 августа французская полиция предприняла первый шаг и решила обыскать виллу «Ле Рок», где размещалась семья и гости сына Джелли Раффаэлло. Обставлено все было довольно внушительно. Даже со стороны моря виллу блокировали четыре полицейских. Когда полиция прибыла на виллу, хозяев не было. Был упоминавшийся уже дизайнер из Милана Ольдини, его семья и внуки Джелли. В разгар осмотра виллы (просто язык не поворачивается назвать это обыском!) вернулась домой Марта — невестка Джелли. Она ничего не подозревала и яви-

лась прямо из банка с пакетом, где было 50 тысяч долларов. Они предназначались для оплаты фальшивого паспорта для Джелли. Поначалу, увидев в доме полицию, она впала в растерянность, но быстро взяла себя в руки и как ни в чем не бывало бросила пакет с кругленькой суммой в мусорное ведро. Полицейские ничего не заметили. Но там, где не сработало полицейское чутье, не подвело чутье собаки. Громадная псина, любимица всей семьи, которой все и всегда позволялось, решила, что хозяйка затеяла с ней игру и прячет от нее пакет, чтобы она его разыскала и принесла ей. Она рванулась к ведру, залиvisto лая и норовя выхватить пакет из ведра. Сцена получилась занятная. Полицейские потешались над тем, с каким трудом трое людей пытаются оторвать пса от злополучного ведра. Никому, однако, не пришло в голову взглянуть, что же там так привлекало собаку. Полицейским явно не хватило какой-нибудь наблюдательной старушки, которых так любят показывать в западных детективах. Между прочим, пес неистовствовал до ночи, хотя его и посадили на привязь. Но полиция продолжала это игнорировать. Наконец, полицейские покинули виллу, унеся с собой несколько абсолютно бесполезных документов, и пригласили Марту прийти в полицейское управление утром следующего дня. Муж ее в это время находился во временном убежище с Джелли.

Ночь прошла спокойно, и утром Марта отправилась в полицейское управление, предварительно попросив Ольдини позвонить по телефону в убежище Личо Джелли. Сначала нужно было дать два коротких звонка и тут же давать отбой, с третьего раза Личо или Раффазлло поднимали трубку. Было условлено также, что если Марту решат арестовывать или задерживать, то она позвонит домой (она была уверена, что как многодетной матери полицейские позволят ей поинтересоваться, как обстоят дела дома. — Г. 3.) и скажет Ольдини: «Дай кашку младшей дочери». В этом случае Ольдини должен был взять пакет с 50 тысячами долларов и вручить его человеку, свидание с которым было назначено в парке. Марту, как и следовало ожидать, после короткого формального допроса полицейские отпустили. Она вскоре вернулась домой и сама сходилa в встречу в парке, а затем быстро переправила фальшивые паспорта Раффазлло.

Марта вообще выполняла немало важных поручений. В частности, когда Джелли понадобилось много наличности, она отправилась в Люксембург, где у Джелли был крупный счет в банке, сумела превратить его с именного в шифрованный, что давало возможность манипулировать с ним анонимно. Сняла с него часть денег и перевела на свое имя в Монте-Карло. На все это ей понадобилось два дня. Хотя такая операция и требовала соблюдения немалых формальностей, но Марта справилась с этим блестяще. По-видимому, в семье Джелли спутниц и спутников жизни выбирали в соответствии со склонностями к аванюре, столь ценимыми «великим магистром».

К середине сентября Джелли решил, что можно позволить себе некоторые вольности, тем более что полиция продолжала проявлять полную инертность в его поисках. К тому же ему надоело жить без привычных удобств. Он перебирается в упоминавшиеся выше роскошные апартаменты. Уместно добавить, что здесь же, на Лазурном берегу, у Джелли есть и собственная вилла «Эспальмадор», которую он приобрел за несколько лет до событий за четыре с половиной миллиарда лир — сумма, которая огромному большинству итальянцев даже не снилась. Пожалуй, достаточно сказать, что виллу окружает сад с экзотическими растениями, рядом с ней бассейн с морской водой, а из сада к вилле ведет аллея, вдоль которой стоят беломраморные статуи. Обстановка виллы скорее похожа на выставку или аукцион антикварной мебели и ковров. Поскольку у хозяина склонность не только к изобразительному искусству, антиквариату и флоре, в поместье есть и огромный аквариум с тропическими рыбами, отливающими всеми цветами радуги. Но какая же золотая рыбка смогла выполнить прихотливые желания Джелли? Её правильнее было бы назвать золотым тельцом, но до сих пор неясно, откуда у коммерсанта средней руки, каким был Джелли в недалеком прошлом, есть средства, ставящие его на высшие ступеньки лестницы капиталов, без которой немыслимо тамошнее общество?

В «Эспальмадоре» постоянно проживали лишь экономка Анна и двое слуг. Сам Джелли во время своих бегов был там всего три раза. Сначала он поручил Ольдини привезти туда и выпустить на лужайку четырех своих внучек. Пока дети резвились на зеленом газоне, их малопочтенный дед вынужден был любоваться ими из-за плотных портьер дома, боясь показаться им на глаза. Впрочем, вполне понятные дедовские чувства быстро были вытеснены соображениями собственной безопасности и горячим желанием не встречаться больше с представителями закона и особенно с теми, кто обслуживает тюрьмы, пусть даже самые комфортабельные.

Джелли использовал «Эспальмадор» для встреч со своими адвокатами и некоторыми лицами сомнительной репутации, которые собирались обеспечить Джелли безопасное убежище где-нибудь подальше от итальянских границ. Обставлялись эти встречи как великосветские приемы. Закупались тонкие вина, устрицы и прочие изысканные закуски. Комнаты были непременно украшены большим количеством дорогих цветов, к которым Джелли всегда питал слабость. Не забыл он и о другой своей слабости — собирании и хранении всякого рода бумаг и документов, которые он на протяжении многих лет с успехом использовал в своих грязных делах. Ему срочно понадобился большой металлический ящик-бюро для бумаг. Ольдини и Марта исколесили немало километров, прежде чем сумели найти то, что требовалось, так как это был субботний день, когда большинство магазинов на Лазурном берегу закрыты. Ящик-бюро оказался в магазине единственным, к тому же он красовался на витрине, и хозяину не хотелось разрушать композицию. Он

уступил только под воздействием наиболее «веского» аргумента в виде дополнительной приплаты. Когда «великий магистр» чего-нибудь хотел, перед затратами не принято было останавливаться. Другое дело, когда в расходы его вводили люди чужие. Например, Джелли разъярило, когда один из его бразильских поверенных прибыл на Лазурный берег с женой и детьми и поселился в одном из самых дорогих отелей за счет своего клиента. Джелли пришлось укротить свой гнев и мучавшую его скупость любезной улыбкой, поскольку бразильский адвокат вел переговоры о предоставлении Джелли политического убежища непосредственно с сыном диктатора Парагвая Альфредом Стресснером. Тот поставил три условия. Во-первых, Джелли должен был внести в банк Асунсьона 5 миллионов долларов и в течение двух лет не получать по ним проценты. Во-вторых, сын диктатора лично для себя требовал «комиссионные» в размере 1 миллиона долларов. В-третьих, Джелли должен был купить, не глядя, одну из ферм диктатора и заплатить за нее несколько миллионов. По исполнению этих условий диктатор предоставлял Джелли политическое убежище и даже обязался публично заявить об этом по телевидению. Джелли не очень нравилась идея «похоронить» себя в Парагвае и того меньше — покупка кота в мешке, т. е. фермы диктатора. Выбора, однако, не было. Ряд других латиноамериканских стран, намечавшихся в качестве убежища, отпали по различным причинам.

Началась подготовка к переезду. Собирались всерьез и надолго. Покупались круги пармезанского сыра, тирольские вяленые окорока, ящики шампанского «Вдова Клико», сотни видеокассет, несколько видеомагнитофонов и цветных телевизоров и, конечно, машина для изготовления теста, без достаточного количества которого итальянец повсюду чувствует себя неудобно. Раффазелло решил захватить с собой и любимую «игрушку» — шикарную красную «Феррари», а заодно и пару ящиков запасных частей, ибо кто-то сказал, что в Парагвае нет ни одного автомобиля этой марки. Для подготовки переезда плюс требования диктатора Джелли понадобились немалые суммы. Сколько бралось наличными, сколько переводилось на другие счета и куда, осталось тайной одного из люксембургских банков. Бесспорным фактом осталась поездка в Люксембург Марты, на сей раз вместе с Раффазелло, их двухдневное отсутствие и последовавшее затем указание послать директору люксембургского банка в виде презента ящик отменного шампанского.

Была даже намечена дата отъезда — 8 декабря. Отъезд должен был состояться сразу после шифрованного звонка младшей дочери Джелли — Марии-Розы. Она должна была произнести фразу: «Розы расцвели». Это был сигнал, что все дела улажены. Что помешало звонку, пока неясно, но он не состоялся. Точно так же, как никогда не осуществились посулы Джелли, который обещал Ольдини, в случае если он последует за Джелли в Парагвай, ежегодный барыш в 60—80 миллионов лир в год. Ольдини отказался от столь заманчивого предложения, а в феврале 1984

года порвал с Раффаэлло и Мартой. «Я понял,— сказал он с горечью корреспонденту «Панорамы»,— что меня просто использовали в своих целях». Когда-то во время обыска на вилле «Ле Рок» полицейский комиссар дал ему совет держаться подальше от этих людей. Хотя и с опозданием, Ольдини последовал этой рекомендации.

О дальнейших маршрутах Джелли существует столько предположений, что их просто невозможно рассмотреть, к тому же они чрезмерно перегружены догадками. Наиболее правдоподобным представляется, что на какое-то время Джелли перебрался в парагвайское посольство в Мадриде. Поговаривают, что с Лазурного берега в Испанию его доставила яхта Пащенко. Что ж, ничего невероятного тут нет, впрочем, как и в том, что Джелли мог обнаружиться в любой момент в какой-нибудь стране, которая пока не фигурировала в нашем рассказе.

По-видимому, нельзя считать случайностью, что в ночь побега Джелли из тюрьмы Шан-Долон неонацистская организация «Черный порядок» попыталась устроить железнодорожную катастрофу близ города Болоньи. Целью ее было отвлечь внимание общественности от бегства главаря ложи «П-2», совершенного при скандальном попустительстве тюремных властей. Людей типа Джелли и его подручных ничуть не смущает, что за их «комбинации» десятки людей могут расплатиться (и расплативались!) жизнями. Под Болоньей, к счастью, все обошлось благополучно: поезд, в котором находилось более тысячи пассажиров, чуточку опоздал и поэтому сумел остановиться буквально в нескольких метрах от развороченных взрывом путей. Но ведь был перед этим и взрыв на вокзале в Болонье, когда погибло 85 человек, а более двухсот получили ранения! И до сих пор полностью не выяснены обстоятельства этого зверского преступления.

Но все больше доказательств, что ложа «П-2» и ее «почтенный мастер» замешаны в этом злодействе.

Джелли после побега, головокружительных авантур в начале 1988 года сдался швейцарским властям. Раскаяние? Ничуть не бывало. Тонкий и точный расчет. Между Италией и Швейцарией существовал соглашение, по которому одна страна не выдает другой лиц, обвиняемых в политических преступлениях. Чтобы заполучить Джелли, итальянские власти вынуждены были закрыть на многое глаза. После этого Швейцария выдала Джелли Италии. Теперь к нему единственная «претензия» — соучастие в крахе «Банко Амброзиано». Просто пустяки по сравнению с тем, что ранее вменялось Джелли в вину. Что касается других дел, то теперь он может отвечать или нет на вопросы следователей. Понятно, он предпочитает помалкивать. Очевидно, есть своего рода договоренность между Джелли и теми, кто заинтересован в его молчании. В свою очередь, итальянская Фемида относится к Джелли очень мягко-сердечно. Он выпущен из тюрьмы под залог. Словом, вероятнее всего, один из наиболее громких итальянских скандалов последних лет затихает. Мне же лично кажется, что Джелли не тот человек, кто добровольно «уйдет на покой». Думается, что мы еще о нем услышим.

На этот вопрос скорее всего можно ответить утвердительно. Конечно, она не существует в прежнем виде, на то и решение итальянского парламента, признавшего ее неконституционный характер. И в то же время невозможно отделаться от ощущения, что незримая власть логи продолжает реять над Апенниннами. В данном случае «нематериальность», так сказать, ощущение находит постоянные подтверждения вполне реальными фактами и действиями «братьев», которые сумели выйти сухими из воды после громкого скандала. «Братьев же таких, судя по всему, немало, хотя не численность определяет их вес и влияние. Сила их состоит прежде всего в том, что они продолжают занимать крупные посты в политике, финансах, армии, секретных службах, да и самом парламенте. Ежедневник «Панорама», насколько не смущаясь, пишет: «Братья», оставшиеся в парламенте, проинформировали Джелли, как всегда, быстро, точно и пунктуально и, как всегда, в самый нужный момент». Речь идет об информации, связанной с намеченными в парламенте слушаниями о результатах деятельности специальной комиссии по «П-2».

Джелли тут же предпринял демарш. Из Испании он дал команду своим людям, и те немедленно распространили новость, что магистр «П-2» возвращается в Италию. Без преувеличения можно сказать, что от такой вести у многих затряслись поджилки, в самом прямом смысле слова. Джелли, понятно, в Италию не приехал, но сумятицу в политических кругах вызвал, а именно этого он и добивался. Масла в огонь подлило крупнейшее телеграфное агентство АНСА, которое в начале декабря 1985 года, подчеркивая заслуги секретной службы СИСМИ, сообщило, что она всегда знала точное местонахождение Джелли и его перемещения и информировала о них правительство. «Панорама» комментировала это «как весьма недвусмысленное желание дать понять обществу, что секретные службы всегда держали Джелли под контролем, но никто из правительства никогда не давал приказа арестовать его».

Понятно, что со стороны палатцо Киджи (резиденция итальянского правительства.— Г. З.) последовала весьма жесткая отповедь. Премьер-министр Б. Кракси категорически отверг подобную версию и заявил, что от секретных служб поступали «малочисленные и неточные сообщения» и что он лично будет заниматься поисками истины, поскольку хочет добиться ее «любой ценой». О результатах, которых удалось добиться премьеру, пресса ничего не сообщала, но «Панорама» продолжает утверждать, что «бомба Джелли продолжает лишать сна многих». Как уточняет парламентарий-коммунист, член парламентской комиссии по «П-2» Актонио Беллоккио: «Особенно политиков, как раз тех, кто имел с Джелли тесные связи в золотые времена «П-2», хотя потом они и представляли их как случайные встречи, исключительно

официального характера». Под «бомбой» же «Панорама» имеет в виду все тот же пресловутый архив из 463 папок, которые «всегда были главным сокровищем Джелли». То, что он его столь высоко ценит, вполне понятно, ибо среди поименных папок мелькают фамилии самых известных в Италии людей.

Упомянем, что отнюдь не все бумаги Джелли были конфискованы в Италии. Значительную часть ему удалось переправить в Уругвай, где начальник полиции Виктор Кастильони во время обыска особняка Джелли снял с архива копии, оставив неприкосновенными оригиналы. Происходило это в отсутствие Джелли, и тот, едва вернувшись, сразу перепрятал документы. Куда? Об этом даже не высказывается догадок. Сгинули и копии. Кастильони говорит, что он их передал тогдашнему министру внутренних дел Уругвая Яманду Тринидаду. Поинтересоваться у него судьбой бумаг, которых так боятся в Италии, нельзя: министр умер в июне 1983 года. Вдова министра, когда ее донимают подобными вопросами настырные журналисты, попросту захлопывает у них перед носом дверь. Друзья министра шепчутся о том, что тот их передал генералу Григорио Альваресу, бывшему главе государства. Тот, однако, тоже, еще в 1984 году, оставил пост президента. Бравый Кастильони, заваривший кашу, ныне находится на пенсии, да и вряд ли знает что-нибудь о дальнейшей судьбе архива-копии.

В сентябре 1985 года президент Уругвая Хулио Мария Сагуинетти посетил с официальным визитом Италию. В местной прессе упоминалось, что во время доверительной беседы с премьером Б. Кракси последний коснулся вопроса об архиве Джелли. Президент был несколько смущен, но дал понять, что ни он, ни члены правительства не располагают бумагами Джелли. Президент напомнил, что находившиеся у власти в 1981—1985 гг. генералы могли «увезти его», и закрыл тему туманными и неопределенными обещаниями. Как бы там ни было, факт существования еще и архива-копии добавляет причин для бессонницы многих известных персонажей. Кстати, шестнадцать папок архива все же были доставлены из Уругвая в распоряжение парламентской комиссии по «П-2». «Это всего три процента архива», — меланхолически констатировал бывший глава СИСМИ генерал Нинетто Лугарези. Он же считает, что «посылка» была инспирирована самим Джелли. Цель? «Для дезинформации и шантажа», — говорит генерал. Вполне возможно. По крайней мере это очень похоже на характер и стиль Джелли.

Весьма похоже, что взрывоопасных материалов хватает и в самой Италии. Не исключено, что, если бы многие из них стали достоянием обществу, ей бы стало ясно с бесспорной очевидностью, что бывшие члены масонской ложи «П-2» продолжают процветать, в том числе и в среде итальянской армии. Франко Джустолизи дал к своей статье в «Эспрессо» «Масонская ложа «П-2» продолжает действовать в Италии» красноречивый подзаголовок «Шагом марш в «П-2». Смысл ста-

тъи, по существу, заключен в приведенных выше словах, но она заслуживает того, чтобы остановиться и на деталях. Генерал армии Витторио Монастра передал результаты своего длительного и подробного расследования о военнослужащих, чьи фамилии фигурируют в списках «П-2». Объемистые папки были заперты в сейф, что называется с глаз долой. Мотив? «Они взрывоопасны...» Кому они угрожают? Прежде всего тем генералам армии и корпуса карабинеров, а также адмиралам и контр-адмиралам флота, с которых предыдущая комиссия сняла обвинения в принадлежности к тайной ложе «П-2».

В докладе специальной парламентской комиссии по «П-2» отмечалось, что дисциплинарные расследования и выводы делались только в отношении офицеров, которые к моменту обнаружения их связей с «П-2» все еще находились на военной службе. Взыскания подверглось примерно 30% замешанных офицеров, которым ограничились вынесением выговоров. Но даже эти наказания распространились на средние офицерские чины — капитанов и майоров. Около 140 высших офицеров армии, флота, ВВС и корпуса карабинеров практически отделались легким испугом, правда, многие из них успели своевременно оформить выход на пенсию. Формально в отношении генералитета тоже проведено расследование. Оно коснулось, в частности, генералов Грассини, Мичели, Сантовито, Сиракузано, Музумечи, Биттони, Вивiani, бывшего командующего финансовой гвардией Джаннини, бывшего начальника генерального штаба вооруженных сил Торризи, адмиралов Челио, Джерачи, Форджоне, Биринделли... Лишь единицы из них признали свою принадлежность к «П-2». Остальным оказалось достаточно дать честное слово офицера, и обвинение отпадало само собой. Случались и примеры вопиющие. Так, генерал-полковник Освальдо Раstellи продолжает свою военную карьеру. Его принадлежность к «П-2» была доказана, но и его умудрились оправдать, мотивировав это тем, что генерал «был убежден, что речь идет об обычной масонской ложе, и учитывая, что у данного офицера не было объективной возможности знать о секретном характере этой организации». Был оправдан и контр-адмирал Витторио Форджоне, хотя чек, подписанный им, оказался зачисленным на банковский счет Личо Джелли. Здесь следствие спряталось за словами: «Не было получено однозначных и неопровержимых доказательств».

Казалось, что потом справедливость начала торжествовать: парламентская комиссия установила достоверность списков, а совет министров призвал ряд министерств начать расследование повторно. Появилась надежда, что, наконец, лица, виновные в принадлежности к подрывной организации, запятнавшей себя серьезными преступлениями, понесут строгое наказание. Много взглядов было обращено в сторону министерства обороны, ведь именно армия должна быть опорой государства, и уж, во всяком случае, не к лицу ее офицерам даже яхшаться

с людьми, вынашивающими идеи государственного переворота. Если взглянуть чисто формально, то вроде второе расследование принесло какой-то результат: раньше были оправданы 70% подозреваемых в связи с ложей «П-2», теперь их осталось менее 20%. Кое-кого за нарушение офицерского слова рекомендовали уволить со службы. Ходят, однако, слухи, что коснется это в основном тех, кто уже и сам собирался на пенсионный покой. В отношении многих по-прежнему остаются сомнения: не то они принадлежали к тайной масонской ложе, не то — нет. Решающее же слово в вопросе принятия санкций остается за министром обороны. Захочет ли министр вытаскивать на свет божий некрасивые истории связи его подчиненных с масонами и тем более «власть употребить», — сие очень большой вопрос. Но даже при нем остается совершенно ясным одно — что до сих пор в итальянской армии, точнее в ее высших эшелонах, есть люди, как минимум симпатизирующие Личо Джелли, и, судя по всему, ложа «П-2», хотя формально и распущена, и сегодня может найти среди них поддержку.

Да, формально ложа «П-2» сейчас не существует. Однако в Италии наблюдается исключительно любопытная тенденция — растет число желающих приобщиться к масонству. Почему снова расширяются ряды «братьев»? Что ищут те, кто стучится в двери «Великого Востока д'Италия»? Почему среди них все больше людей молодого и среднего возраста? Забыта ли черная страница «П-2» или, напротив, многих привлекает скандальная всесильность закрытой ложи? Этими вопросами как-то занялся еженедельник «Эуропео», в общем-то, не сумев ответить на них, но дав неплохую информацию к размышлению.

Перво-наперво нынешнее руководство итальянского масонства развернуло широкую кампанию по обеливанию масонства. Это относится прежде всего к его главе — гран-маэстро ложи «Великий Восток» Армандо Корона. Суть сводится к тому, что сейчас пытаются убедить общественность, что масонство уже не может служить опорой ни для успешной карьеры, ни для достижения успеха в бизнесе. Что касается заговоров и всякого рода махинаций, в которых так вольготно чувствовал себя Личо Джелли, то об этом не может быть и речи. Поток заявлений с просьбой принять в масоны увеличился якобы потому, что Армандо Корона «очистил и подправил» масонство после шумной истории с «П-2». Он утверждает, что благодаря его усилиям из числа «братьев» было исключено три тысячи человек. Из них тысяча принадлежала к «П-2». А. Корона печатно и устно уверяет всех, что теперь будет соблюдаться старое предписание о том, чтобы в масонство «не проникали политика и религия». Он делает усилия, чтобы восстановился принцип равенства и «на одной скамье сидели адвокаты и плотники, видные деятели и матросы». Глава «Великого Востока» совсем не чужд саморекламы и уверяет, что он «положил конец всевозможным привилегиям и почитанию должностей». Он даже якобы заплатил за это «высокую цену», расставшись с 60 депутатами, сенаторами и другими крупными деятеля-

ми из-за того, что «они не хотели посещать ложу и познакомиться с «братьями».

Трудно поверить, что А. Корона, сам принадлежа к высшим слоям итальянского общества, так запросто «очищает» масонство от сильных мира сего. Он скорее всего приписывает себе несущие заслуги. Дело в том, что если когда-то и сидели на одной скамье «плотники и адвокаты», то эти времена давно прошли. Социальный фактор, происхождение, видное общественное положение, деньги в конце концов никогда не игнорировались руководством масонства. В нем всегда были свои слои, причем «верхние» отнюдь не стремились слиться с «нижними». Безусловно, в наше время существует такое же положение. Известный адвокат и аристократ с Сардинии Агостино Кастелли без обиняков заявил: «Я ушел из ложи, когда обнаружил там слишком много землемеров». Вряд ли об этом не знает А. Корона, будучи земляком А. Кастелли. Кстати, журнал «Панорама» замечает, что «после урагана, вызванного скандалом с «П-2», качество масонства на Сардинии не изменилось». Под «качеством», надо полагать, подразумевается социальный состав масонства. Собственно, это же относится и к количеству: на Сардинии по-прежнему действует 14 лож, объединяющих 700 членов. Один из видных политиков Сардинии, бывший президент области Пьетро Содду, как-то сказал: «С кризисом, который переживает политика, люди уже не стремятся к идеалам и социальным реформам. Они делают ставку прежде всего на карьеру, успех в делах и приобретение связей. Масонство переживает тот же упадок, что и политика: этические ценности уступают стремлению к власти». Перекликается с этими словами и мнение профессора Лоренцо Дель Пиано, автора книги о масонских ложах Сардинии: «Время всегда находило свое отражение в приоритетах, которые исповедовало масонство. Сейчас мы живем в период переплетения деячества и политики. Масонство приспособилось и к этому».

Трудно что-нибудь добавить к этим заключениям. Пока же заметим, что после скандала в начале 80-х годов в Италии наблюдалось, напротив, падение числа членов масонских лож. Их тогда насчитывалось 12—13 тысяч. Сейчас эта цифра достигает 16 тысяч. Только в 1986 году более 1200 человек изъявили желание вступить в «братство». Правда, примерно двумстам кандидатам было отказано (мотивы, понятно, остались неизвестными.— Г. З.). Возраст людей, стремящихся сегодня попасть в масоны,— тридцать или тридцать с небольшим. По сведениям «Эуропео», масонская «семья» в среднем «помолодела» с 60 до 45 лет. Во Флоренции, городе, держащем в Италии первенство по числу лож, многих студентов «записывают» в ложи их родители, которые, по мнению журнала, считают, «что таким образом они выдают детям нечто вроде страхового полиса на будущее». Многом среди «новобранцев» и людей с дипломами университетов. Как расценить тогда заявление масонского руководства о том, что оно, мол, ныне бесполезно для людей с карьеристскими устремлениями? Здесь, видимо, другой мотив: амбициозность и желание ощутить себя членом закрытого, исключительного кру-

га, а быть может, и притягательная сила тайной власти, типа той, что обладала «П-2». Совершенно закономерно сомневаться в бескорыстии вступающих в масонство, заключает «Эуропо» и добавляет, что среди молодежи часто можно услышать фразу: «Вступай в масонство и обрешь могущественных друзей».

Практически остались нетронутыми корни масонства на острове Сардиния, хотя, быть может, влияние самого Джелли было там невелико, зато и поныне остаются в могуществе люди, с которыми он был близок. Речь идет прежде всего о великом магистре «Великого Востока» Армандо Корона. С тех пор, как он занял высший пост в итальянском масонстве, число «братьев» на острове сильно увеличилось. Вот что говорит депутат-коммунист Франческо Мачис: «Масоны проникли повсюду: в банки, в страховые компании, туристические агентства, в здравоохранение, в государственную систему. Так, например, тремя сардинскими банками руководят лица, связанные, как всем известно, с масонством... А. Корона, как человек предусмотрительный, не пренебрегает также средствами массовой информации». Мачис рассказывает о случае, когда один строительный кооператив никак не мог получить нужный ему документ. Решили обратиться к нынешнему главе масонства, который был формально рядовым членом областного совета: через четверть часа проблема была решена.

Любопытно оценивает ситуацию, которая позволила таким людям, как Корона, подняться наверх, Пьетро Содду, член парламента от демокристической партии: «Конец 70-х годов характеризовался острой политической напряженностью... Затем мы вышли из террористического туннеля, появились надежды на улучшение жизни на острове, и в конце концов напряжение спало. В то же время ценности обесценились: партии оказались лишенными идей и думали только о дележе власти. Армандо Корона, несомненно, умный и хитрый, стал тем человеком, на которого стали ориентироваться многие политические деятели, которые считали его человеком, способным установить равновесие, пусть даже самое шаткое. И он стал лидером суперпартии, способной управлять из-за кулис, учитывая самые непредвиденные переплетения интересов».

Сначала глава итальянского масонства был владельцем клиники, которую позже продал, но влияния в медицинском мире не утратил. Напротив, он усилил его, создав «триумвират» с двумя крупными владельцами клиник — Марио Флорисом и Паоло Рагаццо. Что они хозяйничают в секторе частного медицинского обслуживания, — это, как говорится, куда ни шло. Но они прибирают к рукам и государственные медицинские учреждения. Мэр города Кальяри — столицы Сардинии — Де Маджистрис заявил об одной из государственных онкологических клиник, что туда «невозможно попасть, если ты не масон». Журнал «Эспрессо» не без сарказма замечает, что подобное наблюдается не только на Сардинии: «То же самое происходит во всей Италии. Может быть, Кальяри отличается только присутствием великого магистра и этим братст-

вом между теми, кто должен был бы осуществлять контроль, и теми, кого следовало бы контролировать». Формально в данном случае речь идет об итальянском масонстве вообще, но не забудем, что «П-2» расцвела пышным цветом именно под сенью «Великого Востока». Есть основания считать, что не все члены тайной ложи выявлены, и дело не только в этом. Безотносительно принадлежности к той или иной конкретной ложе между масонами существовала и существует тесная связь личных взаимоотношений, в которых переплетаются финансовые, карьеристские, семейные и прочие интересы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что даже те, кто запятнал себя принадлежностью к ложе «П-2», продолжают процветать и делают все возможное, чтобы грандиознейший скандал был поскорее забыт, а «братья» продолжали бы пожинать плоды круговой поруки и протекции друг другу. И в этом случае совершенно не важно, что вывеска «П-2» упразднена актом высшего законодательного органа страны — парламентом. Настораживает то, что ядовитые корни масонской «П-2» остались, но никто не может сказать, сколь глубоко они проникли в структуру итальянского общества.

Геннадий Рамазанович ЗАФЕСОВ

ПАУТИНА ЛОЖИ «П-2»

Редактор Д. В. Б и р ю к о в

Технический редактор Л. С. А л е к с е е в а

Сдано в набор 06.07.88. Подписано к печати 6.09.88. А 10402. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Учетно-изд. л. 3,28. Тираж 150 000 экз. Зак. № 2723. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.